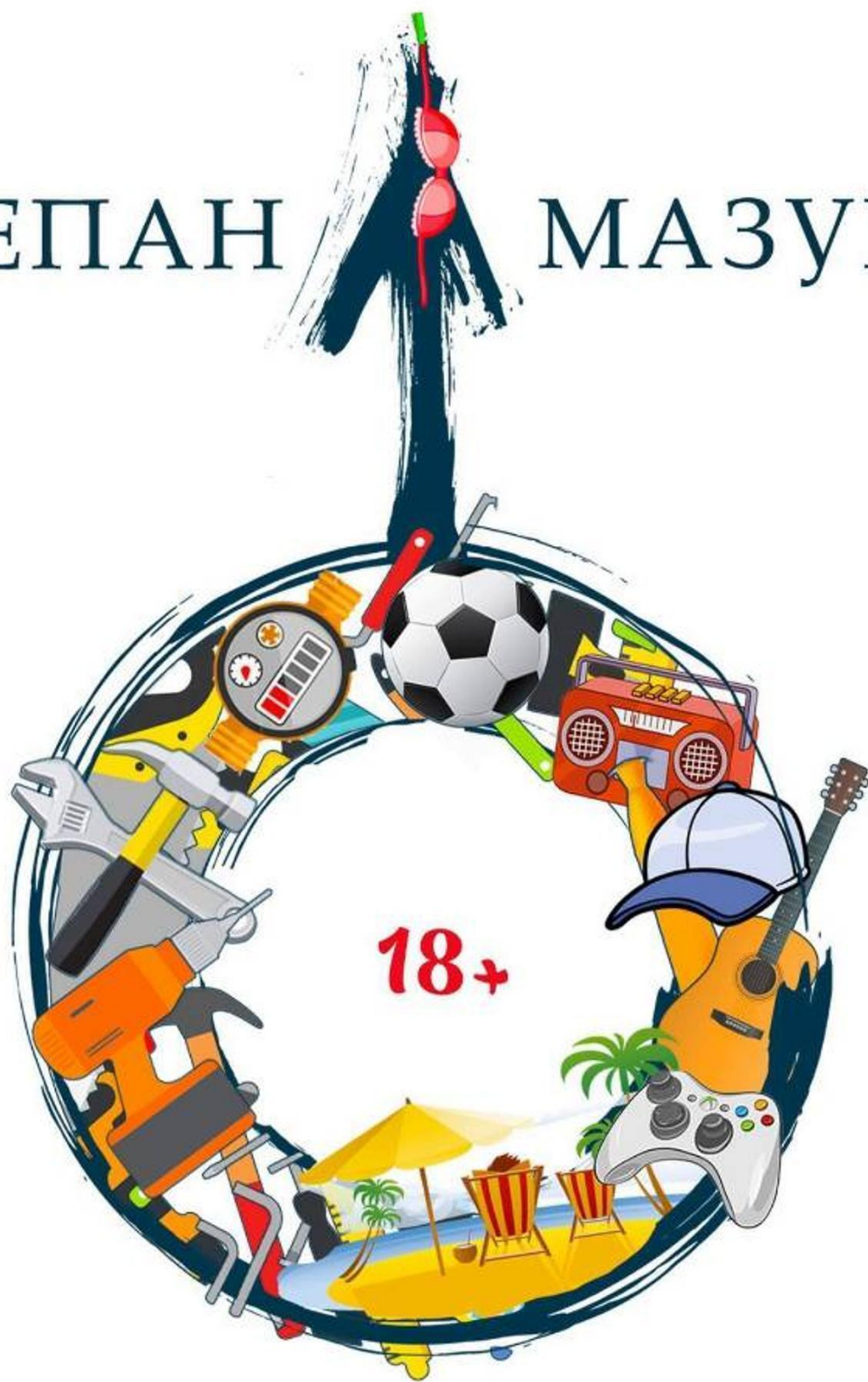

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СТЕПАН МАЗУР

ТОТ САМЫЙ
САПТЕХНИК8

Тот самый сантехник

Степан Мазур

Тот самый сантехник 8

«Автор»

2026

Мазур С.

Тот самый сантехник 8 / С. Мазур — «Автор», 2026 — (Тот самый сантехник)

ISBN 978-5-907465-80-0

В погоне за успехом Борис Глобальный запыхался. Жизнь ставит молодого сантехника перед выбором, позволяя выбирать между роднёй или дружбой. Старый друг не помнит, а семья старается, чтобы не забыл. Остановиться и отдышаться можно, но нельзя прекращать бороться с обстоятельствами. Остаётся только работать! Кому надо и так рядом. Захотят помогут, а не постесняются сами попросят о помощи. Трудяга не откажет. Но на этот раз помощь потребуется самому Боре. Потому что бизнес и работа конфликтуют, а опыта нет. И есть силы, которыми этим пользуются.

ISBN 978-5-907465-80-0

© Мазур С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 – История Егора Валетова	5
Глава 2 – 23 февраля	10
Глава 3 – В нашем болоте тепло и спокойно	16
Глава 4 – «Вдруг»	21
Глава 5 – Пацаны вообще ребята	30
Глава 6 – У Коляна	37
Глава 7 – Дина захотела	41
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Тот самый сантехник 8

Глава 1 – История Егора Валетова

Охранник – профессия усидчивая. Но никто не предупреждал Егора Павловича, что за неё придётся сидеть. И до тех пор, пока молоток судьи не треснул по деревянной подложке, а строгий голом не произнёс «три года», он всерьёз рассчитывал на снисхождение и условный срок. В конце концов, у него трое детей, а Борис Глобальный не выдвигал претензий и до последнего пытался забрать заявление.

Но не повезло.

«Не фартануло», – подумал Егор.

Сама фортуна дала лихой изгиб и за спиной Егора Валетова захлопнулись наручники. Как оказалось, воровство имеет последствия. И можно сколько угодно ссылаться на то, что некоторые воруют миллиардами и спокойно себе попивают мохито, рисуя картины при домашнем аресте, а другие за буханку хлеба годами сидят. Но это оправдание для недалёких. Любое нарушение закона рано или поздно приводит к последствиям.

Если копнуть поглубже и углубиться в вопрос, то миллиардер и так всех на зоне купит. Как и саму зону. Держать его там без расстрельной статьи может быть полезным только для поощрения коррупции представителей исправительных учреждений. А за буханку хлеба пожурят, конечно, но скорее всего отпустят. Максимум – условный срок. Но Егор Валетов оказался где-то посередине. И вынес имущества из магазина для взрослых почти на полмиллиона рублей, что по закону фиксируется, как нанесение ущерба в особо крупном размере.

«Первый раз» не стал оправдательным моментом.

За сотрудничество со следствием даже припомнили «внутренние силы». Если Никита Сергеевич Хрунычев не сдал воров и тем самым заслужил определённый авторитет на зоне с первых дней пребывания, быстро продвинувшись в рядах «чёрной кости», то Егор Валетов, напротив, пошёл на понижение и попал в разряд «козлов», отметившись в «красной масти».

В СИЗО ещё ничего было. Жена каждый день с перепугу посылки слала, угощал всю камеру, так что смотрели на него сквозь пальцы как на заблудшего. И даже научили прописываться «за дачку». Но в дальнейшем на зоне ничего хорошего его не ждало.

Во-первых, потому что исправительное учреждение дальше городской черты располагается и на свиданье уже не набегаешься. Муниципальный транспорт до зоны только утром и вечером ездит, а на такси – дорого.

Во-вторых, потому, что жене Соне самой как-то кормить и содержать трёх детей надо, где лишь младшая дочка Лиза поверила с ходу, что папа в космонавты ушёл добровольцем. А вот Майя и Вера уже на мать с сомнением посмотрели и быстро поняли, что что-то не сходится.

Старшая дочь, так плюнула на ситуацию и на поступлении в институт сфокусировалась. Все мечты на платный пойти и учиться в своё удовольствие папа растоптал. А из бюджетных мест выбирать особо не приходится. Либо в учителя, либо в институт физической культуры. Не получится уже стать газовщиком или нефтяником. Хоть блог заводи и жалуйся за донаты.

– Не есть семье круассаны на завтрак и лобстеров на ужин, – сокрушалась она по этому поводу. – Не смотреть на закат на берегу моря, взявшись за руки за столом на семейных посиделках!

В-третьих, Яна Ивановна обиделась. Не оценила владелица магазина для взрослых, что своровал у неё товар ради того, чтобы украдкой на море при первом удобном случае свозить. Цель то благая, а исполнение подкачало.

– Лучше бы откладывал потихоньку с зарплаты, да цветы украдкой дарил и стихи посвящал, – высказывалась она по этому поводу. – А теперь чего? Теперь только небо в клетку и сожалеть об утраченных возможностях.

Не помог и предыдущий опыт, когда Валетов из управляющей компании таскал всё, что плохо лежит. Пока Борис Глобальный недоумевал, куда деваются расходники, трубы и батареи, Валетом сожалел только об одном – мало. Мало чего можно украсть, что ещё в «Светлом пути» не своровали. Вот и выходило, что лишь на старую машину наворовал, которую ещё чинить и чинить. Правда, когда новый сантехник устроился к ним на работу, загадка приключилась. Гадал её нещадно Валетов, к сейфам в подвале управляйки то так, то этак подкатывая. Но смог извлечь из тех сейфов лишь краску и слитки. Но далеко не золота или хотя бы серебра, а меди и латуни. Того материала, что на припой должен был идти в сантехнике ниткой. Но предприимчивый Антон Иванов его в слитки и переплавил. А что с ними делать, кроме как цветметом сдавать?

Вот и выходило, что за годы работы в управляющей компании Светлый путь Валетов добра почти не нашёл. А машину семья теперь быстро продаст, как только первый желающий покупатель «подснежник» откопает во дворе. А значит, насчёт зимней и летней резины он зря переживал.

Но вот беда – не отпускает! Всё ещё переживает, как там на воле живётся.

Заметив волнения на челе и осунувшийся вид арестанте, его даже конвоир пожалел. Он привёл Валетова к камере и снимая наручники, посочувствовал:

– Попал ты, первоходка. Не завидую. В самую лютую «хату» садишься.

– Кто там? Убийцы? Маньяки? Насильники? – с ходу перечислил Егор, покрываясь мурашками.

Свою анальную девственность он, конечно, задёшево не продаст. Если надо, то как Тайсон будет биться. То есть – ухо откусит. А дальше по обстоятельствам действовать будет. При необходимости можно и пальцем пупок проткнуть. Было бы желание.

Но конвоир покачал головой.

– Или беспредельщики? – даже побелел лицом Валетов, ощущая, как кровь покидает колени. Потому как те вдруг трястись начали. Давление пропало. Гидравлика перестала работать.

Конвоир лишь тяжело вздохнул, как будто в последний раз его в камеру заводит.

– Неужто... каннибалы? – снова предположил Валетов, очень сожалея, что даже за людоедство в их цивилизованном обществе дают сроки с надеждой на перевоспитание.

– Хуже, – наконец, сказал мужик в форме, что вроде и не из расстрельной команды, но жути нагнал так, что не ровен час – обоссаться можно. – Сатанисты новой логической эры!

– Как это? – не понял Валетов, осознавая лишь каждое отдельное слово в этом предложении.

– А вот так! – ответил конвоир и отпер задвижку. – Сам всё увидишь!

Егор глаза округлил, тут же забыв все слова. Инструкции как входить в хату покинули мозг. Как прописываться позже? Не помнил! Лишь колени всё больше дрожат. А сзади уже подталкивают, чтобы не стоял в проходе.

– Двигай, давай!

Шагнул вперёд бывший охранник, которому больше по профессии не работать. Кто ж с пометкой «воровал» в трудовой книжке возьмёт? И замер, не дыша.

Разгар дня, но в камере все окна покрывалами завешаны. Свечи на столе стоят. Горят, хоть обед скоро. За столом семеро в балахонах из наволочек сидят, с головой укрывшись.

Взявшись за руки, они гудели нараспев:

– Сла-а-авься!

А один вовсе с чёрным полотенцем на голове ходит вокруг стола против часовой стрелки. и приговаривает:

– Восславим Сатану и его верных помощников Горбачёва и Ельцина, что новому миру расцвести не дали! Вспомним трудолюбие Пиночета и Шикельгрубера, что со старым боролись, пока наркотики были! Припомним славные дни Калигулы и Атиллы, которые цивилизациям покоя не давали во хмеле и распутстве!

– Слава-а-а! – добавили мужики в «балахонах».

– Да не оскудеет наша память, поминая Джека Потрошителя, что трудился в поте лица своего над искоренением страшных британских дев, коих не дожгли на костре инквизиции! – продолжил грозный предводитель с полотенцем и хорошо поставленным голосом. – И Рыжего восславим, что ещё трудится над разрушением мира, но пока не призван за ответом. Мавроди, кумир наш, помянем имя твоё! Ты доказал, что нет ничего более постоянного, чем желание людей обрести халяву. Всех вспомним! Ибо всех помнит наш господин и покровитель Вельзепуп Люцеферович Сатанил.

Егор от такой картины в ступор впал. Какая уж тут прописка, когда чёрная месса идёт? Брякнешь слово, тобой следом и откушают. Присмотрелся только к темноте, что возникла, как дверь закрыли. А на одной стене вместо тигра мелком козёл бородатый нарисован. Ещё звезда пятиконечная перевёрнутая вместо постеров на другой стене красуется.

– Восславим мракобесие и кумовство! – только усилил голос мужчина в мрачном чёрном балахоне, что в отличие от белых наволочек, смотрелся даже стильно. – Да не оскудеет землячество и взяточничество на нашей земле! Выступим за патронаж и заступничество за сирых, тупых и убогих в противовес умным и стремящимся! Тоже мне умники. Поразвивают науку и технику, а вере потом страдать!

Тут мужик в чёрном полотенце к вошедшему повернулся, свечу со стола подхватил и медленно пошёл прямо к нему, то шёпотом говоря, то вскрикивая:

– Всё видит рогатый, горбатый и кривой! И часы за миллион на левой руке у человека, что просит милостыню правой для паствы. С которой и стребует. И мохнатую лапу распределённых тендеров, что уже почесали. Но не будет гореть на воре том шапка, братья мои! Ибо прикрыта залысинка его позолотой и камнями, что дороже любого дыма и подгорания.

– Слався-я-я! – прогудела паства.

– Не нам дрова в тот костёр подкидывать! – продолжил владелец полотенца. – Чай, не инквизиторы мы. И не от нас искре разгореться в поле, где собаки насрали, да никто убирать и не думал. И точно не нам завидовать, что простят долги целым странам, пока нищих меньше в стране не становится. Ибо нет ничего логичнее. Умрут нищие, останутся сытые. Таков закон отбора!

– Таков закон отбора! – резко встали все послушники за столом, обхватили друг друга за плечи и продолжили мычать, теперь уже и раскачиваясь на месте.

– И кто? – продолжил очевидно старший по рангу среди них. – Кто как не падший и приподнявшийся видит каждую отправленную в фонд помощи эсэмэску на спасение Алёшеньки? Кто, как не он одобрит Бентли начальнику фонда? Ведь помощь людская бесконтрольна. Но мы верим братья! Верим, что выльется она в конце квартала в обогащение предприимчивых. Ибо главное – участие, а кураторство – наше всё. Пусть же каждый возьмёт свой процент с благородства, чести и совести. Так как нет в мире силы больше, чем возможность! А если есть возможность, то почему бы не взять?!

Пока Егор Валетов постепенно осознал, что жизнь его уже в любом случае не будет прежней, голос проповедника взлетел под потолок:

– Возможность урвать там, где плохо лежит – вот вечный двигатель человечества! Что естественнее для руки, что чешет другую руку, когда чешется?

– Почесать! Почесать! Почесать! – добавила паства у стола трижды.

И действительно почесала друг другу руки, прямо ладони пошкрябала, как своеобразный ритуал. От чего трое улыбнулись, а один воскликнул «щекотно»!

– Всё фиксирует рогатый господин нищих душ с улыбкой и одобрением, – улыбнулся и сам пастор. – Ибо не оскудеет тупость человеческая. И не нам вводить логику в мире, где ракеты в космос летят, осенённые божественной силой в ущерб физическим силам и законам всемирного тяготения. Пусть льётся вода на рабочие транзисторы и освещает микрочипы во славу «авося» и «чтобы было»! Всё равно микрочипы каждому уже не достанутся. Они лишь для избранных. А дефицит той избранности заранее создан для нас теми, кто создал капитализм. Что не говори, а искусственный дефицит и на искусственном разуме не остановится. Даешь новый. Даёшь искусственный разум!

– Искусственный интеллект! – добавила паства и все как один начали хлопать в ладоши. – Слава искусственному интеллекту! А своего нам не надо!

Хлопали размеренно. Не часто, но уверенно. С определённой последовательностью, от чего звуки погружали в транс так же, как дефицит света, обилие благовоний и голос пастора в полотенце.

– Так кто мы такие, чтобы колонизации Марса требовать? – не унимался пастор. – Кто такие, чтобы на базах лунных настаивать, если вера наша слаба и не уведёт дальше Саратова? А в кармане лишь мелочь завалилась на пельмени, что завтра обязательно будут дороже, чем вчера. И не будет тому конца и края, братья! Ибо в том – замысел! Зарабатывай меньше, цени еду больше. Ибо не тебе привыкать к мирскому. И помнить следует, что жизнь твоя коротка, а цель в служении. Служении и страданиях, братья мои! Будем же служить и не мандеть!

– Служить и не мандеть! Служить и не мандеть! Служить и не манде-е-еть! – раздалось в унисон.

Егор невольно сглотнул, когда свеча предводителя вдруг остановилась у лица вошедшего. Щекой тепло чувствуется. Обжигает почти.

«Если бы не побрился перед судом, опалило бы», – промелькнуло в голове.

– Замысел велик! – рявкнул мужик в балахоне почти ему в ухо.

– Велик! Велик! – впала в какое-то особое состояние паства, улыбаясь и радуясь на пустом месте, словно чефира предварительно бахнула с дополнительными травками. – Пиздец как велик!

– Веруешь ли ты в замысел? – вдруг спросил пастор в чёрном полотенце у новенького тихо-тихо.

– А в чём замысел? – глухо спросил Егор, чтобы получше проникнуться.

Культист молча лизнул свечу, тем самым потушив её влажным языком. И добавил на ушко:

– Он в том, чтоб извести всех сырых и убогих. И в том, чтобы лучшие лучше ели и крепче спали. Он в том, чтобы не было вопросов, было лишь вечное служение. И лучше не спрашивать кому.

– А, ну так... не привыкать, вроде, – ответил с заметным трудом Валетов. – Я же чего сел то? Другой жизни хотел!

Пастор тут же схватил его за руку, подвёл к столу и руку на плечо положил свою.

– Вот, братья мои! Новый желающий разбогатеть! Алчный агнец, не познавший своей роли в игре великих и обречённых! Что он сделал не так?

– Оху-ел! Оху-ел! Оху-ел! – тут же раздалось от мерно качающейся паствы.

Оскалился пастор, тут же подхватил другую свечу и сказал:

– И пусть, братья мои, нет среди нас сестёр, но господин со страшным ебалом послал нам нового брата по разуму! И имя его?

– Егор... П...привет! – проблеял арестант.

Пастор тут же приблизил к другой щеке Валетова свечу. И лишь в паре сантиметров остановив от кожи, сказал:

– Система отобрала наших женщин. Она ждёт, что celibату доверимся. Или рукоблудию предадимся с последующим раскаяньем предадимся! Но нет. Нет! Мы выше этого. Ведь господин послал нам... Егора!

Повернув лицо к Валетову, предводитель улыбнулся улыбкой, что ничего доброго не предвещала и тихо добавил:

– Раздевайся.

– Раздевайся! Раздевайся! Раздевайся! – потребовала паства, застучав кулаками по столу.

– Что? Нет! – возразил бывший охранник.

– РАЗДЕВАЙСЯ! РАЗДЕВАЙСЯ! РАЗДЕВАЙСЯ! – вдруг закричали на него мужики так, что ответный крик Валетова с просьбой о помощи утонул в нём, как сахар в чае.

Самостоятельно забившись под шконку с необычной для своих лет прыткостью, Валетов ещё долго кричал, чем только забавлял подглядывающего в смотровой глазок хохочущего конвоира с напарником.

– Сразу видно – новичок, – донеслось от того шёпотом по другую сторону большой металлической двери.

– Ага, кто ж днём на нарушение режима пойдёт? – добавил напарник.

А по ту сторону двери вскоре смеялись и логичные сатанисты в голос.

– Похоже, брат наш уверовал, – наконец, снял с головы чёрное полотенце старейшина Алагаморов, пока помощники Блоб и Джоб снимали с окон одеяла, а прочие тушили и убрали свечи и снимали покрывала. На Егора под нижним ярусом нар уже никто и внимания не обращал. – Но давайте сохраним силы и снова отрететируем. Ходит слух, что к нам вскоре бывшего мэра доставят. Суд близится к завершению. Нам надо той судной ночи дожждаться. А ночью, братья мои, всегда веселей!

Долго ещё под шконкой сидел Валетов. Даже ужин пропустил. Но со временем, смирился и вскоре сам в процесс перевоспитания новичков включился.

Зона пустела. Зона менялась.

Глава 2 – 23 февраля

В тот день, когда Шмыга уговаривал Валета из-под шконки вылезти, чтобы принять участие в перевоспитании мэра, у Бориса Глобального и на воле дел было невпроворот.

С самого рассвета молодой сантехник откапывал автомобиль Валетова по просьбе его жены. Нужно выставить на продажу и немного облегчить участь семьи без кормильца. В то время как сама Соня нажарила гору блинов, настрогала салатиков, достала солений и готова была даже налить с самого утра из благодарности, но этот странный молодой сантехник крепких напитков без повода не употреблял. В гостях всегда предпочитал лимонад, молоко или чай. Пришлось отдельно сбегать в магазин и набрать лимонада на всю семью. А поскольку день был «мужской», Соня заодно взяла носков и пену для бритья в подарок. Трусы брать постеснялась. Всё-таки это уже интимно-личное, а она ещё женщина замужняя... к сожалению.

Ближе к завтраку Валетова готова была вручить эти символические подарки с порога. От души же. Затем накормить от всего сердца. Вот только докопает мужик, заведёт их тарантайку и снова к Валетовым поднимется. А пока Соня ждала, крошки в рот не взяв. Только дочерей кормила и в основном стояла у окна, поглядывая как там у помощника обстоят дела.

– Мам, а дядя Боря на мне женится? – спросила самая младшая за столом, лопаая третий блинчик с клубничным вареньем из пиалы, в которую перелили из банки.

Любимой всеми сгущёнки, как и тушёнки в доме теперь никогда не было. Все консервы папе автоматом уходили в не запечатанном ящике. И только Елизавета верила, что он где-то на орбите и машет ей сверху каждый раз, когда гуляет. Но сегодня гулять не пошли. Детский сад был закрыт по причине выходного дня. Даже мама в праздники не работала. Однако, варенье вместо сгущёнки – не худший вариант, если подают к блинам, а те вместо каши на завтрак.

«Так что жить можно», – считала самая младшая.

– В очередь, малявка! – тут же возмутилась средняя дочь, что ела только второй блин, так как только вышла из душа.

Раз отец не занимал ванную по половине дня, валяясь там как тюлень с отговоркой «я работаю, мне можно!», то мыться можно было больше, чем пять-десять минут. И в дверь никто не стучал. В квартире вообще как-то просторнее стало. И следы исчезли из коридора, с утра никто не топтал, пока ходил туда-сюда с вопросом «где мои ключи?».

– Майя, ну как ты с сестрой разговариваешь? – поворчала для порядка Соня у подоконника, даже голову не повернув.

Всё-таки мужчина во дворе во всю работал лопатой. И сейчас был на такой стадии разогрева, что куртку снял. И если бы не рождественский свитер с оленями, можно было смотреть, как напрягаются его мышцы и блестит от пота рельефный торс.

Но приходилось включать воображение. И оно почему-то постоянно пририсовывало сантехнику восемь кубиков на животе. А на плечах её ноги!

«Да что же это делается?» – глупо улыбалась Соня и тут же прикрывала лицо ладонью, чтобы никто не заметил даже лёгкого румянца.

– А чего она к Боре цепляется? – возмутилась Майя. – Только зад подтирать научилась, а уже замуж ей надо! Иди Смешариков смотри... и мне запиши ту серию про космос. Она прикольная!

Всё-таки один из двух телевизоров в доме теперь, что располагался в спальне, теперь почти никто не занимал. И если мама не смотрела вечером свои любимые сериалы, то воевать с младшей сестрой за другой телевизор в зале не требовалось. Приходи, включай юсб-флешку со своими сериалами и смотри всё, что записала с компьютера. Никто не ворчит: «дайте Ираду Зейналову посмотреть»!

– Ой, кто бы говорил за Бору? – подала голос и старшая сестра Вера, что наконец закончила фаршировать часть блинов творогом и теперь могла приняться за первый. Но только один. Всё-таки она на диете и фигуру для важного бережёт. – Не ты ли уже на всю школу талдычишь, что будешь Глобальной?

– Заткнись! – возмутилась Майя и густо покраснела, прикрывая щёки блином. – Ма-а-ам, вот чего она на меня снова бочку катит? Согласись, у меня больше на него шансов? Вера же старая будет через пару лет уже. А я как раз подрасту. Самый сок!

– Так, что это за разговоры за столом? – вроде продолжала возмущаться Соня, но даже не повернулась к дочерям.

Она точно знала, что возраст не главное. Рабочему мужику под вечер нужен горячий борщ, тёплые носки после душа, и желание жены лезть в его чистые трусы. Она баба опытная, поможет: сама залезет, если устал. А если силы ещё остались, то нужный угол подставит, как и градус создаст. И вовсе не важно, как это начнётся, рукой, губами под одеялом или с поцелуев на подушках. Главное – обоюдно. Зря что ли про синхронные оргазмы в женских романах пишут?

И Соня только нижнюю губу прикусила. Ведь Глобальный как раз делал перерыв и присосался к бутылке минералки. Пил он жадно, держал бутылку крепко, а Валетова со своим стопроцентным зрением могла разглядеть как играет кадык от каждого глотка. От чего сама невольно сглотнула.

«Что за мужчина! Даже на расстоянии меня животворящими соками наполнил», – подумала Соня и украдкой поправила кружевные трусики под халатом.

Что и не халат вовсе, а домашнее платье. Во всяком случае, именно так продавцы в телемагазине говорили.

Не замечая, как ёрзаем мама у подоконника, Вера лишь закатила глазки от всех разговоров. Она точно знала, что впереди всех. Обе малолетние горе-соперницы могли выкусить. Ей осталось-то всего ничего: доучиться три месяца в одиннадцатом классе, а летом день рождение.

«А когда стукнет восемнадцать лет, Боря уже не сможет сказать своё фирменное «нет, ты ещё маленькая, вот подрастёшь»...», – промелькнуло в голове, пока улыбка напозла на лицо и там же и осталась.

Ведь теперь папа не ворчал за столом постоянно: «вы посмотрите на неё, опять в облаках летает! Об учёбе надо думать, а не о всяких глупостях! Вот принесёшь мне красный диплом, тогда и думай о чём хочешь, а сейчас нечего лыбиться!»!

В общем, папа их был типичный абьюзер. И все Валетовы росли скорее сами по себе, когда он слишком не мешал, чем принимал активное участие в их жизни. Потому все вчетвером и подскочили, стоило Боре исчезнуть во дворе и позвонить уже в дверь.

– Готово! Завелась! – заявил с порога довольный сантехник с перемазанным лбом, оттирая руки снежком.

Мало того, что вспотел, пока откапывал, затем и под капотом ползать пришлось. А там как будто железный дровосек умирал, истекая маслом.

Всё походило на то, что хозяин как купил, так ни разу под капот тот и не заглядывал. А там масло плескалось, антифриза нет, тормозуха на опасно низком уровне, а в бочке омывайки пыль.

«Но последнее можно списать на зиму. Всё равно застынет», – отметил внутренний голос сантехника: «Автомобиль точно нужно подготавливать к продаже. Стоит на летней спущенной резине, почти на одних дисках, которые вору и даром не нужны. Удивительно, что аккумулятор на металлолом не спёрли.

Стоило открыть дверь, переходя порог, как тут же на шею шустря Лизка бросилась. Пришлось поднять, закружить. И первую одарить комплиментами. Ведь даже самая маленькая девочка любит ушами.

– Ух ты, какая большая выросла! – отметил Боря, вручая молочную шоколадку, которую тут же выудил из внешнего кармана куртки.

– Спасибо, дядя Боря! – заявил довольный ребёнок.

Не свадьба, конечно, но тоже сойдёт.

– Так ведь не за что, – улыбнулся сантехник.

Он скорее отпилил бы себе ногу, чем пришёл к Валетовым без сладкого детям. И пока следом бросилась обниматься Майя, едва успел снять куртку, как тут же извлёк из рукава следующую шоколадку, с орешками. И протянул и средней сестре:

– Мама-миа! Ты такая лучезарная сегодня. Что это у тебя? Веснушки? Вот бы мне такие! – и он легонько коснулся её носа, от чего обычно строгая Майя не только улыбнулась, но и выдала.

– Хы-хы-хы! Ну дядя Боря! Опять ты за своё? Я ведь в прошлый раз ещё обещала не смеяться! Вечно ты меня веселишь!

– Дело не во мне, дело в тебе. Ты така-а-ая весёл-а-ая! – выдал Глобальный, откровенно веселясь. Потому что с детьми ему было легко.

«Надо ещё поработать над концентрацией. А то подумает ещё, что я девушка не серьёзная», – тут же подумала Майя, уходя в зал следом за сестрой.

Всё же к этому моменту гость успел разуться среди трёх встречающих в узком коридоре сестёр, пока мама дожидалась своей очереди на кухне за неимением большего количества места.

Снова распрямившись, озорной сантехник похлопал себя по карманам рубашки. И покачал головой, брякнув сокрушённо:

– Забыл? Забыл же! – тут он сделал вид, что уходит. Но тут же повернулся и извлёк из заднего кармана джинсов ещё одну шоколадку. – Ан, нет! Не забыл. Держи, Верунчик!

Он помнил, что Вера любит белый шоколад. И протянул шоколад без сомнений, уже собираясь идти мыть руки как следует в ванную. Но воспользовавшись тем золотым моментом, когда сёстры уже убежали, а мать с кухни ещё не вышла, старшая среди сестёр вдруг улыбнулась коварно и принимая в руки дар, сделала вид, что целует его в щёчку, а сама резко и неожиданно поцеловала прямо в губы!

Секунда. Другая.

– Спасибо, дядя Боря! – добавила Вера томно на самое ухо и тут же убежала в спальню, пока ноги позволяли ходить.

«Меня как будто молнией прошибло!»! – ещё подумала девушка: «Как колени дрожат».

Сантехник же в миг поцелуя ощутил, как глаза из орбит вываливаются. Да, не французский поцелуй, но тем не менее! От удивления он так широко поднял веки, словно грозил подпереть потолок. А сердце вовсе побежало впереди Веры, чтобы дать подножку, подмять под себя и требовать ответов.

«Да, она младше тебя всего на два года и уже через полгода это не будет иметь значения», – тут же добавил и внутренний голос, не ожидая подобного коварства: «Но мать вашу, это же дети!»!

Боря замер, пытаясь снова начать дышать. Затем коснулся тыльной стороной ладони губ, пытаясь переосмыслить. А там помада яблочная.

«Готовилась!»! – подчеркнул внутренний голос, и Боря готов был пойти разбираться.

Но в этот момент в коридор выплыла Соня, обратившись сбоку:

– Борис, ну что же вы нас снова сладким одариваете? Праздник-то сегодня у вас!

Глобальный кивнул, резко развернулся и на миг показалось, что готов уйти на лестничную площадку прямо босиком, в носках. Но лишь нагнулся за дверью и вернулся уже с шоколадным тортом.

– Держите, Соня. Жизнь, конечно, не сахар. Но отдельные моменты мы можем подсластить, – и прежде чем ответят, он тут же вручил торт в руки и добавил. – Простите, я руки только помою.

– Конечно-конечно, – ответила хозяйка, не в силах привыкнуть к тому, что Глобальный этот порог хотя бы без символических подарков никогда не переступал, с тех пор, как узнал о трёх дочерях. А со временем даже вкусы прознал. В том числе и её вкусы помнил.

Ведь торт был с зефирками!

В то же время как Егор Валетов даже в праздники приходил домой с просьбой вместо подарков или подарочков. То ему носки зашей, то тряпку резко найди, то пока картошку с рынка нёс, упал и коленку разбил, так зелёнку добудь! Не человек, а катастрофа.

Соня вернулась на кухню, где на подоконнике сама приготовила небольшие подарочки в ответ. Они тоже символические. Ведь сумма тех подарков едва ли больше, чем стоит торт. Но всё же важно показать, что ценят его заботу. К тому же блины должны компенсировать потери.

– Так, а где блины?! – не сразу заметила хозяйка.

Если десять минут назад была целая горка из тридцати штук, то теперь оставалось три простых и семь фаршированных. Но выглядело это уже как объедки. Сама вроде только парочку съела.

«Или задумалась»? – невольно прикинула Соня.

– Сколько в вас влезает, девочки? – добавила мама с кухни с осуждением, уже и не зная снова тесто заводить или на одного мужика хватит?

– Спасибо, ма! – донеслось тут же от Майи.

– Угу! – добавила с полным ртом шоколада Лизка.

Вера промолчала. Её руки дрожали. Она взобралась на родительскую двуспальную кровать и пыталась сделать вид, что читает книгу. А всё, что было – любезность. Не более. Но сейчас Валетова-старшая не увидела бы ни строчки. Пальцы её мелко дрожали. Колени так просто трясло, внизу живота сладко тянуло, а в груди как будто шар света взорвался. Он же и грел.

«Я сделала это! Сделала!»! – стучало в голове, пока кровь била в виски и по телу гуляли странные, но приятные ощущения.

Боря же в ванной комнате включил воду и машинально мыл руки. Тёр и тёр без участия разума. Это приобретённые рефлексы. А разум пытался понять где он свернул не туда? Вроде даже комплименты перестал старшей делать с тех пор, как глаза блестеть начали и условные обнимашки в крепкие объятья начали превращаться. С её стороны. С его-то и посмотреть лишний раз в последнее время боялся, не то, что номер дать.

«И ведь говорил Егору, чтобы поговорил с дочерью, а он что»? – отметил внутренний голос: «А он сел, лишь бы не говорить с ребёнком! Да и что это сейчас за дети с третьим размером груди? В Средневековье она бы уже родила семерых и спокойно готовилась к похоронам, так как пожила».

Тенью прошёл по коридору сантехник, лишь бы не смотреть в сторону спальни и не встретиться с ней взглядом.

«Ну его нафиг, Борь!»! – твердил внутренний голос: «Сначала посмотришь, потом подмигнёшь, а потом моргнуешь, а у вас самих уже семеро. И что тогда? Егору скажешь, что просто совпало? Да тебя Соня ещё раньше придушит».

В попытке спастись, сантехник на кухню поспешил. Даже дверь за собой закрыл, чтобы не подглядывали.

А там Соня стоит и грудь мнёт, глядя прямо на него. Глаза испуганные, но руки делают. И только челюсть сантехника упала и под стол покатила, как вторая рука тут же под халат нырнула. И там шарит.

Не то, чтобы Соня Валетова заранее всё распланировала. Но без мужчины уже месяц официально и ещё пару месяцев до этого ничего не было. То некогда ему, то работает, то более. А как двери знакомый скрип расслышала, стоя спиной, рефлекс сработал на звук мгновенно.

Оно ведь как было? Уложат всех спать и давай на кровати с Валетовым скрипеть. Так поскрипят, этак, пока соседи в стену стучать не начинают. В попытке догнать отложенные процессы, на пол сползут, чтобы без скрипа продолжить.

И вот лежит она на полу, смотрит в потолок и думает, кто бы той кровати ещё пружины смазал? А он всем телом навалится, пыхтит. Старается. Но у неё спина не железная. Пол твёрдый, в лопатки впивается. Позвонки даже палас не спасает. И вот поднимутся оба с кряхтением, напроць всё желание растеряв. И плетутся на кухню чай пить. А там дверь скрипнет. При погашенном свете повернется жена перед мужем так и этак. Не прямо разденется, нет. Дети же могут войти. Но то грудь ему покажет в свете фонарей, то вагину сочную под руку подсунет. Он и возбуждётся, не смотря на его хондроз и её остеохондроз. Затем кое-как у подоконника пристроятся, и в сексе своё возьмут, готовые разомкнуться за секунду, если свет вспыхнет и снова дверь скрипнет.

Так и повелось. Днём дверь на кухню никто не трогает. И утром не трогает. Вечером не думает даже. Вообще тишина.

Дверь ту словно установили на кухню лишь с той целью, чтобы похоть ночную прикрыть и закамouflировать похождения Валетовых. Детям всегда могут сказать, что чай пили. А сами шалили. И кто бы их осудил, раз в замужестве?

Но сейчас Соня была растеряна, всё накопилось внутри до предела. И она пыталась сделать всё правильно. А получалось, как получалось.

Она не лила слёз на суде, не позволяла себе расклеиться ни до, ни после. Только когда этот скрип двери расслышала, всё само вышло, ровно как за семнадцать лет привычки.

Замерла Соня, вдруг осознав, что не Егор перед ней стоит и не ночь совсем. Руки застыли на позициях. И с губ слетело заученное:

– С праздником, Борис... Мира вам и... вагин, – зачем-то добавила она последнее слова вместо «любви».

Боря пришёл в себя первым, глядя на побледневшую женщину, что вот-вот в обморок свалится. Подошёл, обнял крепко. Руки из трусов заставил убрать. И халат поправил, чтобы грудь не торчала под лифчиком.

– Соня, вы очень красивая женщина, – сказал он вдруг тихо. – Настоящая.

На самое ухо сказал, чтобы точно в соседних комнатах не расслышали.

Хотел по-доброму. А её от горячего дыхание на ухо как ознобом пробрало. Стоит, ревьёт. Остро желая то горячее дыхание и на шее. И чтобы хоть раз в жизни покусал ту шейку кто, если целовать так и не научился.

«Жизнь прошла мимо», – вдруг поняла Соня Валетова, готовая следом открыть окно и сигануть на асфальт почищенный.

Смотрит сантехник, внутри женщины кричит всё, но снаружи ни звука. Только тело потряхивает и на лице написано, что жить не хочет. Совсем.

Перевёл взгляд на подоконник следом Боря, а там носки и пена стоят, дожидаются. Спросил глухо:

– Что, НАСТОЛЬКО всё плохо?

Она только кивнула, рукой лицо пунцовое прикрывая, а другой рукой слезы смахивая одну за другой.

И стыдно до ужаса. И трахаться хочется до безумия. И заебалось всё настолько, словно через Чистилище прошла насквозь, вдоль и поперёк, а конца и края всё не предвидится.

– Ясно, – прозвучало следом.

Кивнул сантехник русский, вздохнул горько и вошёл в положение.

Рука под халат не спеша нырнула. Пальцы под трусы залезли, резинку оттянув. А затем самый средний внутрь вошёл в Соню так быстро, как будто в баночку солидола его окунули.

Внутри горячо и мокро. А она от тех движений стоит ни живая, ни мёртвая. И дышать боится, и пошевелиться не может. Но только одно желание в голове мечется, пока сердце на разрыв трепещется.

ЧТОБЫ ПРОДОЛЖАЛ. А если вздумает остановиться, то существовать мгновенно перестанет. Просто на атомы распадётся.

Стоит Боря у подоконника, на откопанный автомобиль глядит, а рука в женщине шерудит. Старается. Если ту старую развалюху во дворе завёл, то здесь точно справится должен. Пробег меньше. Настройки бы только верные подобрать.

Потому не спешит палец, пристраивается. А два соседних страхуют.

Кое-что удалось с ходу. Вот и слёзы литься перестали. Следом краска лицо заливает. Но уже приятный цвет, от наслаждения.

Стоит Соня и на дверь смотрит закрытую. Сонастройка дело тонкое. Времени требует. Лучше не торопить и не бормотать «быстрее-быстрее», как привыкла.

Привычки – зло.

Но едва пальцы дрожать начали, словно сантехник на режим вибрации перешёл, как женщина руку подняла и невольно приобняла Глобального. Сблизилась просто с тем, чтобы не упасть от всех ощущений. И губу прикусила, пытаясь не кричать, не скулить, не мычать и даже не охать.

Царство звуков в голове женщины. Океан ощущений. А снаружи ни звука. Иной таракан громче бегаёт.

«Да ёбанный ты ж пиздец!» – проносятся слова, но всё равно тех слов не хватает, чтобы общее положение дел описать.

Но много ли надо тех ощущений, когда сны эротические мучают? Много ли добавлять требуется, когда оргазм даже сидя в автобусе поймать может, попросту ноги крепко сжав и расслабив? А про нижнее бельё и говорить нечего. Только оденешь сухое, шаг сделаешь, как хоть иди суши снова.

Вот и время, что казалось бесконечным, вдруг в струну свернулось. И тепла внутри столько стало, что невольно сжала руку, ногтями в плечо сантехника впиваясь и крепко-крепко зажмурившись. А как открыла глаза снова, то помимо кругов разглядела на часах над столом, что только три минуты прошло.

Глобальный прекратил любые движения. Тактично выждал ещё с минуту, а затем неспешно вытащил палец, поправил женские трусики и к раковине пошёл. Но ещё до того, как зажурчала вода, вздохнула Соня, улыбнулась победно и добавила тихо, но проникновенно:

– Руки у тебя, Боря... золотые!

Глава 3 – В нашем болоте тепло и спокойно

Чуть больше недели спустя.

Сантехник неожиданно для себя очутился посреди морского простора. Куда плыть? Не ясно. И уже не важно, русский он или Борей звать? А то и фамилия его не Глобальный, а какая-нибудь попроще и популярнее. Иванов, например. Главное – грести!

А тем, кто борется, море помогает.

Сосредоточившись на заплыве, сантехник и погрёб без особого направления. Вокруг, куда ни глянь, синева разлилась. Только ни одного десантника не видно. Лишь краем глаза заметить можно, что сам в тельняшке. Но не в полоску, а в клеточку. Да только сине-белая клеточка!

Всё, как полагается.

Рядом вдруг ротвейлер погрёб. В бескозырке. На нём тельняшка как раз правильная – чёрно-белая, в полоску. От морских пехотинцев он плывёт, сразу видно. Только плывёт неправильно. Не «по-собачьи», а вразмашку, «кролем». И периодически в воду не выдыхает.

Только подумал об этом сантехник, как собака и говорит:

– Э-э-эх, Боря! Ты только в сторону запада не плыви. Погубит тебя запад тот. От слова «западня» он. Я как в воду гляжу. И знаешь, что там вижу? Жопу!

– Боцман, – возмутился только Боря. – Ты пёс или кто? Хватит жопы разглядывать. Дыши в воду правильно!

– Да какой я тебе пёс? – тут же ответил ротвейлер. – Не мы такие, жизнь такая! Собачья, с какой стороны как не посмотри. – И нырнул, как будто его и не было.

А может, потонул?

Сантехник испугался сразу. Что Щацу сказать, если не выгребет пёс водоплавающий? Перед морпехами ещё неудобно будет. Мужики засмеют, что плавать не научил. Как на него тогда вообще животных и детей оставлять?

Подумал только от этом Глобальный, как за собакой следом нырнул. А там, на дне, нет уже пса. Зато есть островок. Небольшой такой, примерно с пятую часть планеты. И что-то тёмное на нём виднеется. В окружении тёмных пятен.

Занырнул поглубже сантехник и видит, а там скрепа русская стоит посредине и терпит. Переносит невзгоды стоически, а каждый враг по окружности её обступил и разжать пытается. Все на себя тянут!

– Сдавайся, – говорит один такой в шапочке как у обезьяны из мультика про Алладина, у которого над головой цифра «12» подсвечивается. – Сдавайся, русская скрепа! Твой час настал.

– Я не скрепа! – заявила та, что в окружении. – Я – скрепка! Абу-бандит ты бестолковый! Совсем без кофе турецкого ничего не видишь? Ни «байрактаров» не видишь, ни кораблей в проливах? А АЭС видишь? Строят же! А как построят, так и вторую захочешь, да?

Турция от такого заявления на месте проросла, ракушками покрылась. Подплыл сантехник, ткнул в цифру ту и вдруг понял, что двенадцать – это количество раз, сколько Турция с Россией воевала. Больше всех, чем с прочими странами, считай. Но ничему людей история не учит, сколько не слушай исторических подкастов.

А рядом уже Франция стоит, на скрепу-скрепку багетом давит, прогнуть пытается. На ней шляпа мушкетёрская. А на крошки от багета уже рыбки покушаются, тёмненькие. Рядом плавают и кричат в голос: «пусти бабку, бабку пусти-то!»

Скрепа и ей ответ дала:

– А, французы? Опять на меня батон крошите? Ну с вами всё понятно.

– Да что бы ты понимала, окраина европейского мира?! – Франция кричит.

– Хотя бы то, что женщин своих налысо брили за то, что те с немцами спали. А сами пообсуждают, посудачат и на заводы к немцам работать. Во даёте! – ответила скрепа. – Да мы за один дом Павлова дольше воевали, чем вы за свою страну в целом стояли! Понадеялись на Линию Можино ещё. Иначе, мол, не будет. Будет как раньше? Да? Но помогли вам укрепления те?

Отпрянула Франция тут же, плесенью покрылась. Ну чисто – как на сыре. Хуже только сыр с червяками. Но и тот слопать готовы.

– С червяками это уже к нам, – тут же добавила Италия, за спиной кепку-шапочку фашиста скрывая и в кармашек серенький робко пряча.

Не было мол, показалось. А снова увидят – не удобно будет.

Только Польшу в бок Италия активно толкает, чтобы не спала и нагнетать помогала.

А та глаза только распахнула и как закричит:

– Курва!

– Будь здорова, – ответила Италия, очень за здоровье европейского соседа переживая.

Кому ещё устанавливать итальянскую сантехнику по Европе, как не польским сантехникам?

Польша кивнула, затем на всякий случай чихнула, чтобы все друг друга правильно поняли. Но перестаралась. А как чихнула, так и нет её. Одни пузырьки к поверхности поплыли.

«Думал пшеки, оказались пшики», – понял Боря: «Пять раз её делили, пять раз восстанавливали. Сколько сил и трудов в неё вложили, а всё не уймётся».

Только пузыри уплыли к поверхности, а скрепа-скрепка снова и говорит так, чтобы сантехник расслышал, а каждый просто мужик понял:

– Всё, как всегда. Речь Посполитая им не нравится, раздербанили между панями. Под Российской Империей им тесно, видите ли. Даже, когда первыми от крепостного права освободили. С СССР – им скучно в космос летать, а Евросоюз их – обременяет. Дотаций мало... от Германии.

Все тут же на Германию посмотрели.

Будет ли платить, мол?

А она и говорит:

– Нихт... уя! В смысле, нихт! – и сама себя по языку бьёт. – Тьфу, зараза, привязалось народное! У меня тут русских в том народе уже больше, чем немцев.

– О, это не долго, – улыбнулась Скрепа и чалму на память подарила. – На, учись носить.

Германия тут же чалму взяла, аккуратно за пазуху засунула поближе к бубну африканскому и заявила грозно:

– Сдавайся, проклятая скрепка! Хватит у меня машины требовать. Нихтуя нет уже... Тьфу!

– Да нужны нам твои дорогие машины? Жрут немерено, запчасти дорогие, ломаются часто, а после ста тысяч пробега хоть на свалку отвози. Никакой износостойкости! Ты бы у Японии чему поучила, а?

Германия тут же крестами чёрными покрылась, а как ярость спала, усики небольшие под носом отрастила и сказала грозно:

– Короче, ресурсы твои поделим и как люди жить будем. Нам вон Прибалтику реанимировать надо, расплывающуюся Финляндию на пластырь закрепить, Швеции помогать, пока там все тоже чалму не надели.

Боря следом на три холмика посмотрел, что на дне почти не видны. Поздно их уже реанимировать. На одном табличка: «ушла. Буду, когда вернусь», на другом «лишь бы лучше, чем у соседа», а на третьем: «главное памятники победить. Не помню, значит – не было!»

А скрепа только легендарную финку НКВД на освобождённой руке подбросила, когда половина противников отстала и добавила в задумчивости:

– Не похоже, что им уже что-то поможет, – следом Скрепа кепку поправила «восьмиклинку», что от Леонида Ильича досталась в наследство. – Остальным советую не распыляться. Финны, вы там держитесь! Зря мы вас, что ли, у Швеции выкупали? Перед царём не стыдно? Вы же до сих пор нашего царя перед заседаниями поминаете. Забыли?

Финляндия тут же отвернулась и закрылась. Сразу видно – обиделась. А Швеция только в сторону комиксы с карикатурами отложила и Норвегию в бок растолкала, раз на Скандинавии мировое сообщество сконцентрировалось.

– А я что? – тут же возмутились потомки гордых норвегов. – Я просто хочу сардины! Чтобы было что Белоруссии продавать. Не даром же они морская держава!

– Крэвэтки! – тут же послышалось от Беларуси со стороны. – Крэвэтки... Н-нада?

Пока Белоруссия на себя внимание отвлекла, Скрепа-Скрепка почти совсем преобразилась. Плечами уже освобождённо подёргала в кожане. Том самом, что возможно достался ей от самого Троцкого. Как часы массово солдатам из его бронепоезда вместе с газетами о культурном просвещении.

И сказала уверенным голосом Скрепа:

– А Карл-то – Чарльз!

– Как это Чарльз? – тут же из-под ног скрепы вынырнула Великобритания. Неожиданно, но всю воду вокруг взбаламутив. От чего все прочие страны, что ещё на ногах остались, возмущаться начали. Живут-то в одном водоёме, а гадят вполне определённые субъекты. Даже не Шотландия, не Уэльс, не Северная Ирландия, а конкретно – Англия.

Боря присмотрелся к ней поближе. Она вроде как не с общей тусовкой, но всегда где-то рядом. Просто её не видно, но она всегда в курсе дел и знает, где лучше мутить воду.

– Ага! Попалась, «Новичок» тебе в бочок! – обрадовалась Скрепа-Скрепка и заточку в коленку тут же Англии и воткнула.

– Ай! – ответила Англия. – Я выражаю свой решительный протЭст!

– Засунь его себе в Лондон, – ответила гордо Скрепа. – Пока корабли тонут и газопроводы взрываются, а мы и не знаем, чьих рук дело, там после и разберёмся.

– Ой, да всё не так было!

Скрепа тут же финку прокрутила, эмоций добавив на перекошенном, несимметричном лице с большими зубами.

– Ай! Больно же! – возмутилась уже не Англия (кто бы её слушал?) а Великобритания. – Просто Меркурий в седьмом доме, что явно противоречит Козерогу в первом. И как говорят наши учёные, на Солнце вспышки какие-то сплошь не правильные пошли. И требуют денег на новое исследование, чтобы в правильное русло их вернуть. А денег на новые исследования нет. Нам и так польских сантехников кормить.

– Пусть старые используют! – тут же донеслось с поверхности от последних не лопнувших пузырей. – Курвы!

Все вдруг на поверхность посмотрели, а там и тех пузырей не осталось.

– Да уж, наука сделала нас богами раньше, чем мы научились быть людьми, – добавила тихо Мальта, попивая вино из бутылки. – Ну, кто следующий в драку? А то у меня попкорн стынет!

Затем все как по команде ругаться все начали. Скрепка новой финкой машет, кепку поправляет, жилетом бравирует. Германия возмущается, усики маленькие поглаживая. Франция с плесенью борется, а на лице прыщ-Макрон торчит. Все не приятен, но никуда от него не деться. Великобритания тут же давай заокеанскому собрату названивать, чтобы доложить, что нет стабильности в Европе. Не зря из союза вышла, мол.

– Алё? Америка? Ты была права. Тут всё на ладан дышит! Оказывается, если не давать им денег и технологий, то те ещё дикари.

– ОкЭй! Значит, всё по плану, – ответили в трубке главные по Америке.

И тут громче всех со стороны раздалось:

– Ну, будем!

Боря аж повернулся. А там Япония стоит с Южной Кореей и на пару sake пьют, да чамчой заедают.

Замолчали все резко от такой картины.

Тут и от этих двоих и послышалось:

– Пока белые дерутся, азиаты тешатся, – Южная Корея заявила и тут же добавила. – Ну, за стабильную торговлю! И чтоб насад не падал.

– И тебе без Китая не хворать, кей-поп тебе в рис, – добавила Япония и косо на Африку посмотрела.

Стоит та полуголенькая, обнажённая почти, без автомобилей, считай. А свои старые девать некуда. Надо мосты наводить. Идти, знакомиться. Не России же почти даром отдавать, что дешевле, чем утилизация и полный цикл переработки.

– Кто это тут белый?! – вдруг закричали с другого бока от Скрепы-Скрепки. Ибо как известно, весь мир – лишь её правая и левая сторона, судя по карте.

– Кто это тут азиат?! – повторили едва ли не громче оттуда же. – Весь мир – Америка! Как говорится, но пасаран! Мексиканцы здесь не пройдут!

Все страны повернулись к той, кто орёт. А там США в флаг завернутая стоит и в носках радужных. На ногах качается, язык заплетает, но ещё стоит. На штанах её с дырявыми карманами так и написано «ЮСА». Только кириллицей.

Мало ли какой сантехник иностранного не знает?

– Никаких больше наций, вер и полов! – покачиваясь от шевеления в штанах, ЮСА говорит. – Всё теперь – МЫ. И Я/Мы. И Они/Мы. Всё, раздраконь меня хомяк – Мы/Мы. Ясно вам, яНе/Вы? – и давай из штанов бумагу зелёную доставать, вокруг себя раскидывать, чтобы точно ясно было. А то зудят переполненные, но дырявые карманы. Всё под ноги сыплется, но часть и во внешний мир уходит.

Смотрят страны, а куда не пойдёт ЮСА, всё вокруг зеленеет. Горит, правда, но снова зеленеет... чтобы гореть чему было.

– Ты пока качаешься, мы растём, – возмутился Китай, Скрепу не доставая, но со своего дерева на общую движуху поглядывая. – Весь мир скоро под небесами будет! Слышал о таком, Ю САК? ПОДНЕБЕСНАЯ!

– Ах ты жопа косорукая! Писать бренды без ошибок научилась, что ли?! – возмутилась ЮСА, замахнулась для удара, но тут же остановилась. Так как внутренние противоречия её терзать начали.

С одной стороны – уши осла расти начали, с другой – слоновьи. А ещё внутри быки и медведи спорят. И флаг Конфедерации периодически из штанов выглядывает, когда доллары не сыплются и дырявость карманов с отсутствием духовности не прикрывают.

Боря сразу понял, что паже по походе усталой видно, что Техас у ЮСЫ скоро отвалится!

– Но жить в нём будут больше индусы, – добавила Индия, у которой тоже хватало штатов. А ещё каждый пятый вдруг индусом в мире стал, пока китайцы от праздников отдыхали и свинину в кисло-сладком соусе переваливали и яйцами «тысячелетними» заедали.

Ругаются все снова из-за ЮСЫ. Драться вдруг начали. Даже Боре что-то в лоб ка-а-ак прилетит!

Обиделся тут же русский сантехник. За что, главное? Пока одни языком мелют, он, например, активно работает. Как и простые немцы, французы, поляки, финны и прочие люди труда по всему миру, что точно есть в каждой стране.

Оттолкнулся от дна простой сантехник, устав смотреть на это политическое блядство и резко всплывать начал. Да так быстро скорость набрал, что не только из моря-океана вынырнул, а дальше лететь начал. По инерции.

Под облаками сначала пролетел, потом над облаками упорхнул. А вот и стратосфера, ближний космос.

– Мать моя – женщина! – воскликнул вроде простой сантехник, а все же представитель Хомо Сапиенс. – Какая красота среди звёзд! И чем мы там только на дне занимаемся? Тут же всем места хватит! Вселенная бесконечна. Только развивайтесь!

Пригляделся снова Боря, а где-то у Луны космический корабль летит по направлению к Земле. Помахал ему глобальный, как водится, для приличия. Для приветствия.

Снова пригляделся. А там за штурвалом динозавры сидят: велоцираптор, трицератопс и птеродактиль. Наверное, есть и ещё, их просто в обзорное стекло не видно.

Прислушался Боря, а динозавры и говорят, на него ничуть не обращая внимания:

– Мужики, наконец-то мы дома!

– Да уж, это был долгий криосон. Созвездие Скорпиона такое далёкое.

– Ага, надеюсь обезьяны без нас ничего тут не трогали.

– Ты думаешь у них был потенциал?

– Даже у последней улитки есть потенциал, пока не начинает уничтожать себе подобных ради выживания!

Распахнул глаза сантехник тут же, очнувшись. А он в автомобиле своём, на парковке возле аэропорта прикорнул, пока рейс из Москвы задерживают.

Шаца со Стасяном надо встречать.

– Субкультуры меняются, а херня вечна, – пробормотал очнувшийся сантехник и лоб потёр, пробуждаясь. Затем радио потише сделал. А подумав, вовсе выключил. – Да чтобы я ещё раз под новости заснул? Да ни в жизнь!

«Боря, но ведь без политики никуда», – тут же добавил внутренний голос: «С другой стороны, медуза безмозглая существует как вид уже более 500 миллионов лет и ничего, как-то выжила... Ладно, пора идти самолёт встречать».

Глава 4 – «Вдруг»

Человек – личность разносторонняя и может заниматься чем угодно для общего развития. Хоть растения выращивать, чтобы понимать, как широк и разнообразен мир, (пусть даже проявленный микрокосмосом в горшочке на подоконнике). Хоть животных заводить, чтобы понимать, что Хомо Сапиенс уже настолько вещей на планете повлиял, что многие «братья меньшие» без него просто не выживут. А то и за детьми или пожилыми людьми ухаживать или с ровесниками общаться, чтобы поддерживать развитие общества и следить за тенденциями. Всё-таки не в дремучем лесу живём.

Но единственным, чем занимался молодой сантехник пятой категории Борис Глобальный в преддверии своего двадцатилетия это, как и любой русский человек в России – пытался выжить... То есть, крутился как мог. В частности, так и получил пятую категорию слесаря-сантехника.

Оказалось, есть два способа. Первый – долгий, это ехать учиться в райцентр, слушать лекции, тратить время. Не бесплатно, конечно. И второй – быстрый. Это прослушать те же лекции, но онлайн. Тоже платно, на московской платформе, но зато ехать никуда не надо в поисках учебного центра с лицензией Министерства Образования Российской Федерации. И на выходе те же бумаги, то же удостоверение и та же отметка в реестре ФИС ФРДО, о существовании которого большинство людей вообще понятия не имеют. Как и банке семян в Норвегии, из которого в теории можно перезагрузить биосферу человечества, если что-то пойдёт не так. Но на практике – никто не будет, потому что из всех практических знаний человек обладает лишь минимумом, чтобы выжить в обществе. Но не ВНЕ общества. Зато для бравады у него есть дипломы, лицензии и красиво оформленные бумажки о пройденных курсах, чтобы тешил себя иллюзиями полученных знаний.

Купив себе ноутбук и адаптер для зарядки в автомобиль, Боря за день прослушал все лекции, сдал простейший тест, где по сути правильно необходимо было заполнить лишь графу Ф.И.О. и вскоре получил по указанной почте весь перечень необходимых бумаг для подтверждения квалификации.

Оказалось, что системе интересно лишь базовое среднее образование и вести рабочих людей выше по карьерной лестнице, пусть тех же сантехников, ей не очень-то и надо. Так что четвёртый у тебя разряд или пятый, всем вообще всё равно. Лишь бы руки были золотые и хотя бы большинство вариантов в тесте – правильные.

«Но потешить самолюбие – полезно», – добавил внутренний голос, похвалив все правильные ответы сантехника и попытку объяснить своими словами что такое «шморгалка».

Подключив к ноутбуку интернет с телефона-раздатчика, Боря вообще много чего смотрел и читал в последнее время. Даже узнал, что в России тоже есть «золотой продуктовый запас». Речь об уникальном генетическом банке семян, который находится на Кубани, где хранится больше 200 сельскохозяйственных культур. И это самая разнообразная коллекция в мире.

Да, в самом банке Норвегии «всего» около 20 000 видов семян. Но там речь о каких-то бананах и апельсинах с киви, которые на подоконнике среди зимы почему-то не растут, а именно для Российских условий произрастания культур подобрали те самые 200 образцов, которым и снег нипочём.

Поместили их в сейфы, под камеры, и расположили глубоко под землей под замком при температуре плюс четыре и относительной влажности. Охрану поставили, чтобы точно никто не разобрал в попытке засадить арктические гектары и окультурить Дальневосточные гектары именно тем, что и должно расти на тех землях.

«Люди умные. Должны сами стараться, занимаясь селекцией и заказывая китайские семена по вайлберзону», – пробурчал внутренний голос: «С другой стороны, три четверти мирового продовольствия в мире образуется всего из двенадцати растений и пяти видов животных. Так что 200 это даже – избыток. И себя мы точно обеспечим на случай постапокалипсиса».

А ещё сантехник безумно устал учиться, работать и проработать вверх уже не по карьерной лестнице, но по социальной.

Так, набегавшись с оформлением бумаг на недвижимость и намаявшись с регистрацией участков (своего и отца по соседству), а попутно получив разрешения на строительство на них обоих, Глобальный миновал лишь первый этап регистраций. Впереди было прохождение комиссий и получение лицензий и разрешений на повторное открытие ресторана. И проходя все эти круги ада, он невольно начал уважать Шамана, что получил все эти разрешения за какие-то дни, если смотреть на даты на дипломах на стенах в ресторане «Печень на вылет». Правда, печати на них не стираются, если намочить водой. Они скорее распечатаны на цветном принтере. Но есть же!

За всеми заботами сантехник успевал уже не так много работать и в основном занимался ремонтом бомбоубежища. Говорят, человек должен развиваться. Но под вечер Боря не чувял ни рук, ни ног. Какое уж тут развитие? Упасть и очнуться бы под утро, желательно вообще без снов.

Говорят, человек должен посвящать себя семье и близким. И Глобальный бы не прочь, но его чаще просто отрубало, едва голова касалась подушки в очередных гостях. А если кто-то в это время на него залезал или подсознание сработало и сам на ком-то среди ночи просыпался, тут уж простите – рефлексы сработали. Свои или чужие, не так важно. Важнее Дашу «Наташкой» не называть. Или Дине не ляпнуть «Снежана», а Лиду «Кирой» не величать при случае, даже если теперь общаются только по рабочим вопросам.

«На первый раз, может и простят, но потом обязательно припомнят», – пожурил внутренний голос.

С рестораном вообще интересно получалось. Мало того, что в паре с риелтором-Аглаей в бизнес входил из расчёта 50 на 50, как это уже бывало с Яной Ивановной с секс-шопом «товары для взрослых от Яны», так она ещё и фамилию его хотела!

Не устраивает её, видите ли, Козьявкина. «Глобальную» хочет, чтобы глобальные дела на рынке недвижимости творить и все к ней на курсы по продажам ходили.

Ещё и Лариса Борисовна из Москвы пообещала своих поваров из Владивостока и Пхукета прислать в ресторан к открытию, чтобы обустроить всё и помочь с быстрым стартом. А его дело маленькое – парковой для грузовиков заняться, склады организовать на территории с новой построенной гостиницей и вообще «над местом под трейлерные парки подумать должен, раз эко-ферму захотел и беседки для людей ставить».

Глобальные задачи, но всё – решаемо.

Бесило в этой ситуации Борю лишь то, что для того, чтобы начать что-то производить, наладить и заставить что-то работать на благо общества, прежде надо разрешения просить у тех, кто ничего производить не собирается и создавать рабочие места не спешит. Зато активно покрывает тех, кто торгует покровительством и сам себе придумывает и принимают законы, чтобы защититься от тех, кто работать как раз не против. Лишь бы достойно платили.

«Люди простые, Борь», – отметил внутренний голос: «Они хотят, чтобы при устройстве на работу при собеседовании не звучала расплывчатая фраза «оплата достойная», а говорили по факту... Достойная кого? Людей? Или рабов? Низкоквалифицированных кадров? Или тех, что вообще русского языка не знают, но собираются не только работать в России, но и планируют осесть и жить тут на дотациях и подработках?»

Внутренний голос в последнее время вообще словно жил своей жизнью, из друга и советчика постепенно переходя в стан бизнес-коуча и гуру-наставника, но денег за это пока не требовал.

Зато часто говорил что-то вроде:

«Общество обречено, когда коррупция поощряется, а честность становится рудиментом, как и самопожертвование на благо этому обществу. Так что, либо причиняй добро и беги, Боря. Либо старайся не причинять зло и терпи, пока смотришь на весь этот хаос вокруг, что «вдруг» решил скинуть шкурку и якобы обновиться».

И вот что с ним делать за такие мысли? Операцию не провести, а от таблеток – изжога и печень садится, как говорят люди. Поэтому свой внутренний голос Глобальный давно воспринимал как фон. Хочешь – слушай, хочешь – приглушай.

Останавливаясь с ночёвкой то тут, то там, а по сути кочуя между квартирами в городе и домами элитного посёлка Жёлтое Золото, Боря мог слышать с экранов телевизоров под вечер, по радио в автомобиле или даже зайдя в смартфон – рекламу. И начало марта 2023 года у него невольно ассоциировалось с фразой «вы – говно».

– Вы – говно! – кричали почти все банки, рекламируя свою деятельность.

Нанимали в основном реперов, которые с трудом выговаривали «выгодно». Ведь рэп – музыка молодёжи, без пометки, что эту моду ему навязали путём длительного упрощения понятия «вкус».

– Вы – говно! Точно, вы – говно! – снова и снова вещали те самые финансовые институты, что получили триллионы рублей прибыли, просто поменяв рубли на доллары на скачке курса зарубежной валюты и падении отечественной.

«Да, они не простили вкладчикам ни одной старой ипотеки при этом. Но молодцы же. Наши же!» – усмехался внутренний голос, добавляя: «Даже той не простили, что бралась ещё в валюте, когда курс был шадящий, а отдавались с трудом. Даже той, срок которой подходил к концу или сумма была близка к закрытию. Ни одной, Борь! Ни одного долбанного дня, ни одного пониженного процента! А знаешь почему? Да потому что прощать в нашей стране своих не принято, если ты не покающаяся звезда, что вчера блевала на камеру и костерила всё, что видела, а сегодня напялила косынку и сделала глаза на камеру как у грустного котика. А если не простят – что ж, никогда не поздно съездить на Донбасс, подарить на камеру детям куклу. Даже если кукла подозрительно похожа на тебя, а ты топтал крест как грязь – простят. Потому что люди прощают, не банки! Вот другим странам помогать или прощать – пожалуйста. Им нужнее. А свои и так справятся. Не пристало нам понижать уровень сложности жизни. А то ещё привыкнем».

– Очевидно, вы говно! – кричали магазины, которым проще сделать скидку на неликвид и уценёнку на просрочку, чем раздать людям.

«Боря, всё лучше попадёт на свалку, чем будет вручено в руки нуждающихся. Потому что есть понятие «гуманитарная помощь», а понятия «помощь для своих» – нету. Потому что для них нет никаких своих. Есть только они. Их интересы. И им важна только прибыль. Их не волнует народная убыль».

– Вы – говно! – кричала и научная медицина, что вроде уже научилась восстанавливать людям зрение, умела пришивать уши, вправлять позвонки и наращивать грудь, но с каждым годом каждая процедура была всё более и более недоступной, так как люди те же, а техника дорожала.

Ассоциация поневоле складывалась уже не от слова «выгодно», а прямолинейная. Так как расслоение общества происходило на глазах. Бедные беднели, богатые богатели, «средние» вообще пропали, но официально терпели все одинаково.

Статистически все получали среднюю по стране зарплату, сложив доходы миллиардеров, миллионеров, трудяг и работающих на подработках пенсионеров и поделив подушно, чтобы с математикой никто не мог поспорить.

«Математика – точная наука», – всё бурчал и бурчал внутренний голос: «И чёткая»!

– Вы – говно! – кричали «люди культуры», популярные артисты, писатели альтернативной, но как бы и нашей реальности, а журналисты и музыканты им вторили.

Но почему-то писали они, говорили и напевали сплошь из-за бугра, получив второе гражданство или просто на время осев там, где потеплее в ожидании, пока «минует буря» и снова откроют магазины с привычными брендами.

Однако, деньги заканчивались, а буря затягивалась, всё не желая прекращаться. И снова зашевелился голем. Вот и бренды получили кириллицу при написании, чтобы выйти за своих. Следом сменили вывески фирмы, фирмочки и фирмяшечки, ничего более не меняя по своей сути. Вот каждый не согласный популярный деятель не только получил статус иноагента, но и услышал ответ народного возмущения. Оказывается, говно все эти писатели и пишут сплошь херню, а музыка у музыкантов – «вдруг» такая ужасная оказалась, что вянут уши. Ну а журналисты все сплошь ублюдки, как и юмористы не смешные. Артисты? Ну кого смешить? Им только дерево в ТюЗе играть. Алкаши все сплошь, наркоманы и пассивные геи. Потому что принято у них так в профессии «душой болеть». Это народ знал точно. Знакомые не зря подсказывали.

Хлебнув порцию презрения от тех, кто остался, работал и несмотря ни на что, продолжал верить в лучшее страны, сбежавшие, впрочем, всё равно ничего не поняли. Словно и не жили среди этих людей ещё вчера и питались одним с ними хлебом.

«Да потому что они – не мы», – подумал внутренний голос обычного русского сантехника, которому вся эта накипь была так же дорога, как использованная жвачка с когда-то яблочным вкусом, а ныне безвкусная и пресная на фоне тотальной русофобии и чёткой сегрегации на «свои» и «чужие», куда одинаково безразлично принимали людей всех рас и возрастов, лишь бы говорили и делали что-то полезное или уже в открытую вредили, как и полагается врагам народа.

Боря временами подспудно понимал, что ядро общества – другое. Пока «накипь» бултыхается на поверхности, считая себя пупом земли, общество сплачивается в качестве реакции на возмутителей порядка. И если порядок не наступает, начинает задавать вопросы.

– Какого хуя?! – пестрели социальные сети, блоги, группы и видеоканалы на многих видеохостингах.

Этот вопрос не звучал от кого-то одного. Он принадлежал всему обществу. А когда общество кричало, слышал и пробуждался на пленарном заседании даже последний депутат.

Протормози больше положенного и общество всё сделает своими силами. И не будет знать покоя, пока проблемы не начнут решать. Состав этого общества многообразен и дееспособен: это мужики в окопах и несогласные с западным образом жизни студенты. Это седые ветераны в штабах и как мирные жители под обстрелами в прифронтовых населённых пунктах. Это рабочие на заводе, которых перевели трудиться в три смены. И каждый хоть занят чем-то своим, но в целом – старается приблизить победу.

Нет-нет, да проскальзывала информация, проходил слухок, и кто-то где-то краем уха расслышал (или прочитал по губам), что на тех самых заводах тоже разное бывает.

Вроде уже не только «что-то работало», но «вдруг» начали появляться новые станки. Возможно, отечественные. И на всякий случай – перекрестили, чтобы дольше работали.

Возможно, помогли молитвы и в другом. Начальство «вдруг» пришло к выводу, что на чужих станках много своего не построишь. Кнопка управления не в тех руках. А там, где это уже осознали, сразу и ресурсы нашлись и мощности подтянулись. Ведь если не уводить выделенные средства мимо кассы, то всё **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** начинает работать. Конечно, не сразу.

Тем более, не в «первый день нужды». Но хотя бы со временем и со скрипом, безликий голем «вдруг» поднялся на запрос общества и начал спрашивать «а почему так, а не так?» и даже ворчать, придавливая паразитов:

– Вы что, совсем уже охуели в край? Для своих-то что-нибудь начните делать!

Голем «вдруг» с удивлением понял, что пора начать отмахиваться от врагов. И, наконец, начал определять их не только как «пидоры они все», но составлять более подробную классификацию. Подробную, с уточняющими вопросами в стиле: «где именно» и «сколько раз».

Раньше-то необходимости не было. А теперь голем взял и покусился на святая святых – и объявил ЛГБТ вне закона, чем встревожил всех радужных на планете, которые давно все цвета смешали в один – коричневый.

Пока голем тёр глаза и пробуждался далее по нарастающей, он «вдруг» с удивлением обнаружил, что такие враги народа без пометки уже у каждой границы ждут, как бы поднастрять народному благосостоянию. Пусть даже те враги совсем недавно притворялись друзьями и тоже были за мир во всём мире, дружбу и жвачку, но сейчас «вдруг» стало видно – не те они уже. Вкус жвачки кончился и осталось лишь выплюнуть безликую серую массу.

Раздумывая над всем этим, Боря сплюнул в урну и устало поднял голову к электронному табло в зале ожидания сообщения между городами. Самолёт с Шацем и Стасяном на борту уже совершил посадку в аэропорту Новосибирска, что так и остался для народа аэропортом Толмачёва, как бы его не пытались доименовать «имени Покрышкина».

Против Покрышкина Глобальный ничего не имел против, но к чему аэропортам двойное имя, Боря даже не догадывался. Просто был рад, что эта эпидемия имени «чего бы ещё переименовать» сошла на нет.

Ведь «внезапно» оказалось, что деньги можно потратить и на что-то более полезное для общества. Вроде новых школ, дорог. Или детских садиков, которых не хватает детям, но просят рожать больше детей. Или больниц, где ещё вроде бы можно лечить, а не просто пациенты мешают докторам работать с документацией.

В любое, даже самое сложное время для истории страны всегда есть ещё те, кто хочет жить и те, кто могут этому помочь. Особенно на «новых территориях», что по сути всегда были своими, просто на них на время забыли, пока голем спал. Как и о самом русском человеке в России забыли. Но обязательно вспомнят, пока тем озабочены рабочие мужики и даже некоторые из тех, кто из пиджаков не вылезает.

«Тут же в чём проблема, Борь?» – всё не унимался внутренний голос: «Так уж повелось на Руси, что сначала думают о «маленьких». То есть малых народах, «дорогих гостях», хлынувших в страну на место тех, кто временно отсутствует. Или даже тех, кто находится далеко, но тоже нуждается в заботе и помощи. Например, при землетрясениях, пожарах и эвакуациях в случае военных локальных конфликтов. Те ведь «вдруг» начали полахать во всему миру, от Ближнего Востока и Африки до Южной Америки.

Тогда как в цивилизованных странах общество «вдруг» тоже начало задавать вопросы. Например, какого хрена им не дают растить растения в горшочках? Почему нельзя заводить домашних животных? И почему нельзя просто нормально жить в мире, помогая тем, кому нужно внимание в силу возраста? А не плодить и поощрять создание и развития оружие смерти! Ведь огромными темпами развивается только ВПК и полевая хирургия, где снова начали делать всё, лишь бы спасти человека.

Причём делать без талонов и записей, напрямую. По необходимости.

Боря вздохнул. Ответов на всё сантехник не знал, но зато его постоянно консультировал эксперт по всем вопросам – Василий Степанович Дедов. Причём, названия по видеосвязи с Таиланда.

Как и в этот раз.

– Нет, Борь, ты понимаешь? – спросил он, едва обнаружил сантехника на экране смартфона. – У них манго вместо картошки и ананасы в огороде растут, а они ни налоги не поднимают, ни о на рост цен сквозь пальцы смотреть не желают. Скучно живут! Никаких пикетов и требований.

– Чего так?

– Так жарко же! – ответил, как само собой разумеющееся Дедов. – Какой дурак будет при плюс тридцати стоять у мэрии и чего-то требовать? Или Капитолий захватывать? Пикеты это для северных стран, где оказывается «вдруг», что зимой дуба можно дать, если отоплением не озадачиться, зимнюю одежду не купить и оливье на Новый год тазик не настрогать, чтобы неделю о пропитании потом не думать.

– Не знаю, мне на Новый Год не до оливье было, – припомнил Боря настойчивые ласки в четыре руки. – Но подарков отрёб. Подарки – это часто сами люди, а не вещи.

Боря знал, что лучше, чем пить, это спать с женщинами. Именно так, во множественном числе. Потому что мужиков уже на всех не хватает, дичают. А так и до разложения общества не далеко. Не того мифического, а до конкретного, вынужденно-бытового. Когда один мужик на десять женщин по факту приходится и тому некогда.

Степаныч только отмахнулся, как и от любой экспертной аналитики первых каналов, где половина экспертов по Украине была с самой Украины и прекрасно знала, как русским победить в этой необъявленной войне за их же рубли. При этом называла себя малороссами, а иногда и новоросами для большего разнообразия. Тогда как другая половина украинских экспертов, что определённо хохлы, больше рассчитывала на помощь запада и предпочитала за консультации брать оплату в долларах и евро.

«Политические староверы», – бурчал внутренний голос.

Конечно, те и другие никакого отношения к русским и украинцам, конечно, не имели. Но на всякий случай уже победили. Просто немного потом, не напрягаясь и, возможно, сразу из бани.

«Или хамама», – тут же добавил внутренний голос: «Тут уж где нужда жить застанет. Они ведь все болеют за родину, не вставая с полки в парной».

А на всё это смотрели белорусы и выжидали, пока великоросы перестанут слушать тех и других и сами, наконец, сформируют повестку. Глобальную, а не ту, которая давно всех достала. А там вместе можно будет дойти до Берлина, прогуляться по Парижу и посмотреть на закаты на побережье Атлантического океана. В зависимости от настроения.

Но пока – команды не было. Пока – каша варится. Пока голем то ли сосредотачивается, то ли выходит из похмелья. И ясно только одно – быстро всё не решить. Сон был слишком долгим. В себя надо прийти, посидеть на краю кровати, понять, что происходит.

«И всё-таки определить, кто портит воздух в общем помещении!» – упорствовал внутренний голос.

– В жарких странах, Борь, никаких пикетов не бывает, – продолжал ликбез Степаныч. – Тут обычно сразу, если что – революция. Так надёжнее. Но ты заметил, что революции обычно происходят там, где для этого всё готово? А вот в «поясе стабильности» ничего такого нет. Не предусмотрено.

– Как нет? – удивился сантехник, которого с детства по сказкам учили, что добро всегда побеждает зло. Учили те же люди, которые совсем недавно считали, что все равны.

Но кто-то оказался ровнее.

– Поводы есть, а ничего другого нет, – добавил мастер по выведению глобализаторов на чистую воду. – Нет революций почему-то в Японии, Южной Корее, Таиланде и Сингапуре. А в «поясе нестабильности» есть. Ну потому что – надо так.

– Кому надо? – рефлексивно переспросил сантехник.

– Надо кому-то оружием торговать и какие-то колонии грабить, а в каких-то опиум выращивать, чтобы наркотики стабильной Европе и Северной Америке поставлять, – разъяснил Степаныч. – Там же настолько скучно бывает, что без кокаина и стрельбы в школах жизнь острогу теряет. А пикеты запрещены, если только профсоюзам не надо.

– А там есть профсоюзы?

– Конечно, есть. Но они – формальность. Вот ты слышал, чтобы те профсоюзы в Швеции или какой Швейцарии бастовали когда?

– Нет.

– Им что, не надо ничего менять, как неугомонным немцам или французам? – возмутился Дедов. – Чем там обещанному среднему классу ещё заниматься, если раз в квартал машины нельзя пожечь и витрины побить? Как квартал прожить без того, чтобы телевизоры вообще без акций домой принести и не в кредит вышло? Страховые компании всё равно своих в убытках не оставляют. Чуешь, Борь? Рука руку моет!

– Степаныч, – устал от этого разговора Глобальный. – Я рад, что вы с Зоей путешествуете по всему миру и многое замечаете между купанием в море и принятием мохито у бассейна. Но сам как-то не слежу за внешней политикой. Мне бы за суетой в своём уездном городке уследить. У нас мэр, говорят, со смотрящим подрался. Вот хохма! А потом, как и полагается – сел. Никто бы на этого добряка и не подумал даже. Глаза на плакате были честные-честные!

Глобальный невольно улыбнулся. Лапоть говорил ему и о причинах подобной драки, но о том по телефону не стоит.

А тема была такая: правительство на реставрацию городской набережной тридцать пять миллионов выделило и ещё летом начался процесс преобразования, когда фотографию «до» сделали. Там на набережной словно динозавры паслись. Хуже состояния быть не может. Но как время по весне пришло фотографию «после» делать, так и оказалось, что вид только на новую лавочку есть. И пару фонарей по бокам. Ночью смотрится неплохо, но в целом – есть вопросы.

Пока отчёт в мэрии готовили, ракурсы подбирая, тут-то и оказалось, что спиздили едва ли не больше, чем выделили, а смотрящий на лавочку деньги едва ли не из «общака» выделял. Тогда как по тюрьмам и так не сладко живётся с тех пор, как всё меньше людей там греется, а значит и заведение «греет».

Мало того, что люди за пределами решётки «вдруг» потеряли определения самой «средней прослойки» населения и скидываться перестали, так ещё и в тюрьмах «вдруг» просторно стало. Кто сам добровольцем на фронт попросился сразу, кого позже завербовали, а третьих добровольно-принудительно места не столь отдалённые покинуть попросили, чтобы кормёжку по расписанию сменить на сухпай и новое обмундирование взамен мастерок чётких и штанов с тремя полосками занять.

«Лепить из хлеба всё-таки можно и в блиндаже», – заметил внутренний голос.

Шац уверял, что определённый результат в этом есть. А на слуху общества всё больше тот Пригожин, что тоже лысый, но ещё и воюет, а не до эстрады падок.

– Ладно, Борь. Пора мне, – заметив кислую мину сантехника, начал потихоньку сворачивать разговор старик на курорте. Голод со слушателем он уже утолил. На сегодня хватит. – На массаж идём. Тут на Пхукете в одной гостинице остановились, куда к массажистам очередь от соседней гостиницы тянется. Но принимают только женщин. Зоя говорила что-то про раскрытие кундалини. Но я думал, это сорт изюма. А это массаж оказался. Особый. А пока она туда идёт, мне просто по старинке массажистки дрочат.

– Степаныч!

– Но ты не переживай, Борь, – тут же успокоил Василий Степанович. – Это точно женщины. Я ещё не настолько «человек мира», чтобы кадыки игнорировать. Кругосветное путешествие всё-таки только началось. А вот бани мне их сразу по душе оказались! Только непри-

вычно, что вместо дубового веника тебя пальмовыми ветками хреначат. Ну и борщ классный, тут рядом готовят в одном ресторанчике. Ну всё, Борь, до связи!

Боря убрал телефон.

Меняется мир. И так стремительно, что одни только за рост цен на гречку и туалетную бумагу с антисептиками переживать перестали, а другие уже говорят, что хлеб не тот. А яйца вообще скоро дороже золота будут.

«Ну потому что – могут. Почему бы и нет? Одна в этом только вся радость – цены на яхты упали. Видимо, мэр у той самой лавочки и пришвартует, пока смотрящий ему на «малине» место пригреет», – прикинул внутренний голос: «Как думаешь, на «красную зону» пойдёт? Или отдельную вип-хату выделят, чтобы на области остался? Посадить-то посадят, переборщил, лимит по воровству превысив. Но не станут же его в обычную камеру совать к какому-нибудь бывшему начальнику управляющей компании, охраннику той управляйки или ещё одному бывшему начальнику «Светлого пути»? Должно же у них быть хоть какое-то ранжирование?»

– Ранжирование? – поморщился Боря, пытаясь вспомнить, где слышал это слово.

«На тему, «кто больше спиздит». Вон Хрущ и тот в «чёрную кость» попал. Считай, на повышение пошёл. Но видимо бонусы у всех теперь забирают, раз квартиру у него отжали», – объяснил внутренний голос: «А кто отжал? Мэрия! При том самом мэре, что на лавочке посидеть на закате любит. Но ничего, на нарах тоже неплохо сидится. Если система озаботится, все сядут и посидят как следует».

Первым заметив Стасяна, Боря невольно улыбнулся. Крановщик выделялся над всеми пассажирами, словно раскачался за время беганья с пулемётом на плечах по траншеям. Он на голову выше, и в плечах шире в полтора раза.

Как танк, прикрывая пехоту, кореш заслонял собой Шаца. Того сразу и не заметишь. Но оба в военной форме, выделяют. Другой одежды за месяц лечения и реабилитаций, считай, за пределами больниц и санаториев и не осталось.

Сантехник шагнул к ним обоим и замер перед громилой. В миру Станислав Евгеньевич Сидоренко, для своих за ленточкой – «Гробовщик». Но для Бори исключительно – Стасян, он был всё же теперь так далёк от него.

Предстояло знакомиться заново.

– Стасян! – радостно воскликнул сантехник, но в ответ получил лишь приподнятую брось и ответ, который потряс до глубины души.

– Ты кто? Тот самый Боря?

Тут же всё настроение разом и пропало. За ответом Глобальный на Шаца посмотрел, спросил глухо:

– Что, так и не вспомнил?

– Не-а, – ответил Шац и первым руку пожал, обнял и по плечам даже похлопал. – Боря, брат мой. Давай уже нажремся по-человечески! Дом у меня там ещё есть? Будет где кости кинуть?

– Обижает. Не только есть, но и цел, – возмутился сантехник, опустив детали, где проветривал умную кухню после возгорания или заменял бронированные окна после наезда Князя.

О мёртвых всё-таки либо хорошо, либо правду. А конкретных вопросов по Князеву пока не было.

– Стасян, – всё же сделал ещё одну попытку Боря. – Это же я... Боря! Ну... вспоминай!

Крановщик скривил лицо, что автоматически превратилось в ебало и морщился секунд пять. После чего лишь покачал головой и ответил с сомнением в голосе:

– Не, не помню. Мы что... учились вместе?

– Ага, драть! – тут же заявил Шац и заржал первым в голос. – Но Боря и там победил! Он вообще по жизни парень фартовый.

Глобальный улыбнулся. Ну хоть один разговор поддержит. А там глядишь и крановщик что-то в процессе вспомнит.

«Не бывает ведь полной амнезии», – прикинул внутренний голос.
Не бывает же?!

Глава 5 – Пацаны вообще ребята

При мужиках ничего не было. Документы с портмоне и служебными карточками распихали по карманам. А «дюти фри» на внутренних рейсах нету. Без подарочных пакетов явились. Лететь-то всего-ничего: четыре часа из столицы до Новосибирска, даже с учётом воздушных ям, пробок и прочей турбулентности. А по прямой так рукой подать – 2800 километров.

«Умножь надвое и будет вся Европа вширь», – добавил внутренний голос.

– Мы ещё до посадки употребили коньячку, – первым делом объяснил Шац. – Тягнули по пятьдесят, чтобы спокойнее летелось и крепче спалось. Но глаз так и не сомкнули. Ну а раз подают закуску, то как не усугубить процесс? Пришлось давиться шампанским.

– Кислое, – добавил Стасян, за что едва не получил леща от сослуживца из смежных войск, но близкой диспозиции.

– Я и так угощал, как мог! – возмутился Лопырёв. – Эта же жопа с ручкой пин-код от карточки не помнит. – Сделав сокрушающееся лицо, Шац продолжил. – Когда уже алкашку начнут на внутренних рейсах продавать? Чтобы штабелями летели и вообще без нервов.

– Да что пин-код! – воскликнул Стасян. – Я братьев родных не помню. Какой-такой Могила? Что ещё за Пёс? Разве так зовут людей? А они смотрели на меня так, как будто я конченный. С сочувствием, короче.

– Это позывные, дурья твоя башка! – поправил Матвей Алексеевич Лопырёв, но без злости в голосе, скорее с ноткой сострадания. – А ты ебанат безмозглый, и не помнишь ничего.

– Я не безмозглый, – вяло протестовал крановщик, который бы не решился снова садиться за краны.

Шац покачал головой. У самого в голове бедлам. И дочь-Шредингера. Есть и нет одновременно. Потому что позвонить ей не может. Сначала не мог психологически, а теперь уже не может, но по личным причинам. Как ребёнок, которому резко дают трубку с тем, чтобы поздравил родственников, не может сказать ни слова от ступора.

– Всё ясно, мужики... идём? – спросил сантехник.

Раз оба были налегке, Боря решил, что сразу можно на выход.

Но Шац первым заявил в ответ:

– Не, погоди. Нам багаж надо забрать. Пацаны наше барахлишко из-за ленты переправили. Не стиральная машинка, но тоже приятно.

Стасян кивнул:

– Это да! Этот умник говорит, что там у меня братья и служат. Но лиц не помню, – и крановщик снова спросил задумчиво. – Как можно братьев не помнить-то?!

– А где служил, помнишь? – спросил Боря и тут же добавил, что попроще, испугавшись, что вдруг военная тайна. – Ну, описание местности без привязки к географической позиции. Берёзы там были? Или ели росли?

Стасян задумался. Боря осмотрелся. А рядом в аэропорту мужики подозрительные и подтянутые трутся. На людей в форме из-за газеток поглядывают.

«А кто сейчас газеты читает?» – тут же возмутился внутренний голос: «Ясно, что спецслужбы в гражданском. Ляпнешь ещё не то. Или не то спросишь, а там и поинтересуются следом на предмет «антиполяницы» и что делать будем?»

– Или где жил, помнишь? – тут же добавил сантехник для разнообразия, так толком и не спросив у его отца даже названия деревни.

Но всегда можно позвонить.

Стасян лишь покачал головой:

– Не, как отрезало. Говорят, родители мои звонили. Но их я тоже не помню. Какие-то люди просто... Грустные.

– Больницу-то помнишь? – добавил Шац, который ни одной эмоции на лице крановщика в том моменте не разглядел.

Ну не может человек ни разу не моргнуть, пока мать звонит и ревет в голос и отец рядом сидит с лицом, на котором все муки описаны.

Стасян тут же кивнул. Это он помнил. С новой памятью никаких проблем. Просто старая куда-то подевалась. В каком участке мозга заблокированная лежит? Бог её знает! Люди о мозге знают меньше, чем о Дальнем космосе.

Подошли к раздатчику. Багажом оказались две раздутые армейские сумки цвета хаки. Раньше были спортивными, китайскими и не важного качества. Всё-таки не контрактниками и добровольцами поехали, а штрафниками за драку в военкомате, без «пряников». Но фронт всё исправил. И со временем сумки сами собой обновились, когда трофеи американские появились вместе с наёмниками со страны «объединённых штатов и прочих условностей».

– Их «милитари» понадежней будет, – просвещал Шац в процессе, забирая сумку с ленты. – Любят они «армейский стиль». И ботинки у них с металлическими вставками. От мины, говорят, спасает. Но все – брехня. От мины тебя, Боря, только случай спасти может. А если направленным взрывом яйца снесло, то уже не до обуви будет.

– Но, если ботинки воду отталкивают и держат, уже неплохо, – добавил Стасян вдруг эпизод своей службы припомнив, пока сумку лямкой через плечо закидывал. – В грязи приходится порой по самые яйца шагать. Когда таить всё начинает. Или ливень пройдёт, окопы обновлять приходится. Грунт проседает. Чернозём же, считай – сплошь, грязь. А погода всегда около нуля колеблется. Вот и получается, что днём все тает, ночью подмерзает и по новой.

– Вспомнил же? Молоток! – похлопал его по плечу Шац. – Слушай, ну начало тогда положено. Ноябрь с декабрем уже припоминаешь. Дальше – больше.

– Да что-то всплыло в моменте, – пожал плечами мотострелок, комиссованный в чине старшины с фронта и выбитый под Клещевкой по ранению.

Он не помнил, но о том точно знал морпех и наёмник Лопырёв, который в ЧВК и званий то никаких не имел, но выполнял обязанности капитана. Он рассказывал, что там нет званий. Но есть должности и статус. И даже старший офицерский состав по зачислению имеет простые рядовые должности бойцов. А последующее повышение в статусе и должности идёт исходя из качеств бойца, его умений и профессионализма.

Сантехник хотел предложить свою помощь с сумками. Всё-таки после ранений ребята. Но оба как подняли, так и несли. Легко. Ни эмоции на лице. Ни намёка, что тяжело им. Присмотришься – не видно, что перекашивает. Мужики поджарые, подтянутые. Не только восстанавливались, но и тренировались.

«А лишних килограмм в них нету. Сгорели от недоедания», – тут же добавил внутренний голос: «Зато фитнеса было столько, что ни один персональный тренер с тобой не набегаёт».

Мужики, что спрятались за газетками, проводили людей с сумками пристальным взглядом, передали людям на улице, буркнув кто в кольцо, кто в плечо. А там, на улице другие ведущие уже делали вид, что курят, активно поглядывая на ведомых.

«Спецагентам всё-таки можно курить в любых местах, даже где значок с перечёркнутой сигаретой висит. И камеры умные фиксируют. Они потому и умные, что штрафы им не пришлют», – прикинул внутренний голос: «У некоторых, говорят, даже лицензия на убийство есть. Это как у солдат, только везде, не только на фронте».

Боря подсознательно готов был предъявить документы лицам с штатском или поговорить по душам в тесном кабинете. Но и на улице к ним тоже никто не подошёл.

Выдохнув, сантехник спокойно открыл пустой багажник внедорожника.

– Укладываемся.

Шац сумку аккуратно сложил, а Стасян сверху просто кинул. Сразу сползла. Сантехник тут же попытался её подвинуть к краю. Получилось с заметным трудом. Сумка точно весила больше двадцати пяти килограмм, а то и все тридцать. Учитывая, что по правилам провоза багажа в эконом-классе можно было брать от десяти до двадцати, Боря понял, что летели оба в бизнес-классе.

«А значит, билеты брал товарищ Лопырёв лично, чтобы эти тридцать на брата перевезти» – просветил внутренний голос, продолжая играть в сыщика: «Это объясняет почему оба первыми вышли и без сверки через «зелёный коридор» просочились. Но какое твоё дело? Рули молча».

Расселись. Стасян спереди, как вперёдсмотрящий. А Шац позади, сразу разувшись и устало развалившись на две трети сиденья.

Солдат может спать в любых условиях. Более того – солдат должен спать в любую свободную минуту. Когда артой обрабатывают днём и ночью, это навык первичного выживания. Чтобы дать бой, быть готовым, когда потребуется.

Едва мужики оказались в салоне, как Боря вывел автомобиль со стоянки и подкатил к КПП со шлагбаумом. Автомобиль праворульный, японский. Будка с другой стороны, от «общепринятой». Европейский стандарт против завоза с Дальнего Востока.

«Неудобно, жуть. Но прождал больше часа. Никакого снисхождения, надо платить», – прикинул внутренний голос.

Сантехник уже потянулся за бумажником в барсетке, чтобы передать через Стасяна карточку, как тот остановил рукой.

Другой рукой крановщик опустил стекло и сказал охраннику в камуфляже лоб:

– Ты вот в военной форме сидишь. И я в ней сижу. И что это значит?

– Что мы братья? – усмехнулся довольно молодой охранник.

– Какие же мы братья? – удивился Стасян. – Ты сидишь в тёплом, сухом месте и чаёк помешиваешь с чайника под рукой. Электричество у тебя есть. М свет горит. Биоунитаз, наверняка, рядом. Ещё и порнуху на телефоне смотришь. А попутно думаешь, как бы отдохнуть на выходных от этой тяжёлой работы. За коммерсов рубли из народа тянешь, короче, и в ус не дуешь. А я в холодных окопах днями и ночами не спал, в ямку срал и о чае горячем порой только мечтать мог, как и свечке в блиндаже, чтобы подсветить мышей в углу. Пожрали там наш НЗ или цел ещё? Не видно нихуя!

– И... что?

– Как что? – ещё больше удивился Стасян. – Я эту форму кровью полил, своей и чужой, чтобы ты тут сидел и скучал без всяких проблем. А ты перетрудишься кнопку нажать, чтобы меня без вопросов пропустить, коммерсам тем кровно заработанные отчисляя? Ну так извини, братан. Я тебе просто эту руку следом и сломаю, чтобы по-братски со мной горе разделил. Чтобы по-честному всё. Да?

– П... понял, проезжайте, – добавил побледневший охранник и шлагбаум поднялся.

Боря покинул территорию аэропорта и некоторое время ехал молча, не решаясь ни музыку включить, ни вопросы задать. А вопросы были.

«Например, что это сейчас произошло?» – спросил внутренний голос.

– Не, ну ты слышал? – хмыкнул крановщик. – В родню ко мне набивался.

– Стасян... – проникновенно начал было Боря, желая объяснить, что раньше он так себя не вёл и скромнее был. И дело совсем не в других людях. А в нём было.

– Оставь его, Боря, – донеслось от Шаца с заднего сиденья. – Он так у стюардессы все закуски и выцыганил. В больнице ещё научился плохому. У одного залётного. Пригодилось, чтобы витаминки клянчить. Считаю, новый навык освоил, пока часы между приёмами пищи считал. Морда же большая, жрать хочет.

– Чё сразу морда? – возмутился крановщик. – Аэропорт – это общественное место. И земли вокруг него – общественное достояние. То, что хитрожопые ублюдки загородили тут всё и машину вообще некуда поставить, это не их право. Это их беспредел и наше бесправие! Ну давайте все стоянки сделаем платными вокруг аэропортов железнодорожных вокзалов и автовокзалов следом? А? Билеты-то всем бесплатно раздают. Да? Или нет? А может человек всё же за них платит, чтобы из пункта А в пункт Б себя доставить? Или родных и близких встретить, которые тоже не бесплатно прилетели, приехали или приплыли. Так, мужики? Ну что за хуйня то получается в конечном итоге? Почему мы за всё по несколько раз платим?

Боря молча до бардачка дотянулся, открыл, достал шоколадку и протянул голодному оратору. Крановщик тут же заулыбался. Обрадовался, как ребёнок подарку «от зайчика». И зашепестев обвёрткой, только добавил:

– О, с орехами! Моя любимая.

Если голодный народ готов поднять бунт, то сытый отложит этот вопрос на попозже.

Боря только взгляд Шаца в зеркало заднего виденья поймал и спросил:

– Может, он просто вредничает, когда голодный?

Шац лицо локтем прикрыл, ответил устало:

– Честно говоря, он с тобой за пять минут по делу больше наговорил, чем со мной в больнице и санатории за месяц. Влияешь ты на него походу. Так расшатывай. Может, чего и выйдет.

– Он же просто сейчас точь-в-точь как Степаныч говорил, – добавил Глобальный. – Может, всплывает что-то в голове? Людей вспоминает? Их манеры общения перенимает? Так как своей не помнит?

– И плохому учится, если рядом козлы попадают, – хмыкнул Лопырёв. – Мы же того типа в больнице пробили потом. Устроил себе самострел, а делал вид, что пулю за целую роту словил. И требовал к себе соответствующего обращения. Герой, бляха-муха.

– А что, такое тоже бывает? – удивился сантехник.

– Боря на фронте бывает всякое. Но мужики, которые через него прошли, попроще себя ведут. Холериков-то давно выбили. Меланхолики сами на нет сошли. Только сангвиники и флегматики, считай и держатся. Одни говорят, что к концу года всё закончится и верят в лучшее, а другие не говорят давно, а просто ждут, когда уже закончится.

– Бля... где бы руки помыть? Липкие, – облизал пальцы от шоколада Стасян тем временем. – А почему вы делаете вид, что меня рядом нет? Мы настолько дружны были, что при мне разговаривать обо мне можно?

Боря, не отрываясь от дороги, следом крышку поднял между сиденьями, достал влажные салфетки и на коленки грязнули бросил, добавив:

– Были, есть и будем. Сантехники своих не бросают.

– О, кстати, сантехник, – снова обрадовался крановщик. – А почему кипяток в трубы нельзя лить? Мы с мужиком в палате как-то пельмени в кружке литровой на свечке сварили, а потом от уборщицы пизды получили, пока воду сливали верхнюю сливали. Ну, где всякая херня всплыла.

– А ещё вопросы сыплются от него всё время, – вздохнул Шац и совсем на сиденье прилёг, мгновенно отрубаясь под шум дороги и лёгкую вибрацию корпуса.

Чисто – курорт. Совсем не так, как в старом советском бронетранспортёре кататься, где подвеска словно из дореволюционной кареты взята со всей шасси и трясёт, как на аттракционе.

– Я как про раковину подумал, тут же и всплыл вопросик, – снова улыбнулся подобревший от сладкого Стасян. – А то мы ещё рожек сварить хотели с тушёной, но тару медсестры забрали. Мензурки в ней потом кипятили. Под таблетки и всякое. На общее дело отдели, не жалко.

Боря мельком взглянул на крановщика. Сейчас как Тот Самый Стасян говорит.

«Значит, отвечать не только можно, но и нужно, чтобы Другого, чужеродного выдворить», – тут же отрекомендовал внутренний голос.

– Так всё просто, Стасян, – улыбнулся сантехник, благо что вопрос был по его профилю. – Очень горячая вода может повредить трубы. Ну вот которая кипячёная. А если масло сливаешь, что температуру кипения имеет в два раза выше, вообще труба... трубе.

– Да, но... почему? – понял, но не принял такого положения вещей крановщик, который при таком подходе мог и руку в костёр сунуть, чтобы проверить.

– Да потому, что сейчас большинство труб изготавливаются из поливинилхлорида, – объяснил Боря, прикидывая про себя стоит ли Стасяну снова про пальцы и розетки рассказывать или и так знает? – Это прочный и экономичный полимер. Он делает трубы износостойкими, лёгкими, долговечными и инертными к коррозии. Но трубы рассчитаны на горячую воду до 65 градусов. То есть по горячей трубе никогда не течёт крутой кипяток под сотку. Максимум 60-70 градусов. Так что, когда обдаёшь трубы изнутри субстанцией свыше этой температуры, на первый раз трубы простят. Но со временем лопаться начнут, трескаться. А там один шаг до протечек. Понял?

– А, так мы просто пытались поломать раковину, выходит, – понял Стасян. – Принято!

– Не, есть сливные трубы прочнее пластиковых, – продолжил ликбез сантехник, не спеша на дороге выдавливать из автомобиля максимум. – Из меди, железа или оцинкованной стали. В такие сливать кипяток можно, но обычно их делают для чего-то особенного. В лабораториях ставят, например. Или на производстве. И ещё учти, что трубы такие может и ставят, но сплошь металлом всё тоже сложно вывести. Потому на стыках чаще делают пластиковые и резиновые соединения, которые первыми и выйдут из строя. Так что широкий ты вопрос задал, Стасян. Сразу не ответить. По ситуации смотреть надо.

Оба замолчали и позади послышалось сопение на грани храпа. Не сильный, не бесячий, но есть. И никуда от него не деться. Шац словно сошёл на такой тональности, чтобы и спать в любой позе, хоть голову запрокинув, и не быть придушенным носком за посторонние звуки в купе или самолёте. И особенно в спальном комнате, когда рядом своя половинка будет лежать.

– К храпу в блиндажах все давно привычны, – добавил Стасян, снова что-то вспомнив. – Послушав пару дней разрывы от обстрелов, на такие мелочи просто не обращаешь внимания. Вот спорим на шоколадку, что за двадцать секунд смогу уснуть?

Боря улыбнулся украдкой. Понятно, что дело в шоколадке, а не споре. Знал бы, что таким образом крановщика подлечить быстро можно и на путь верный выздоровления вывести, весь багажник бы ими забил.

«А теперь придётся до ближайшего магазина терпеть с исцелением», – проворчал внутренний голос.

Потому только разговоры, без споров:

– Верю, Стасян. Ты это... – и сантехник дал профессиональный совет. – Когда в следующий раз вздумаешь кипяток в раковину слить просто разбавь его с холодной водой. А если не в терпёж, хотя бы кран с холодной включи на максимум, пока с кастрюли кипящее варево сливаешь. Оно все смешается и урона будет меньше.

– Принято, – повторил крановщик, прислонил голову к корпусу автомобиля, свернув набок и тут же засопел. Даже двадцати секунд не прошло.

Слушая сип, хрип и подвывание уже с двух сторон, Боря хотел уже негромко музыку включить или хотя бы новости на радиостанциях послушать, но следом телефон зазвонил. Подхватил, а там «Лёха».

Если сестру Глобальный заблокировал после её попытки считать отцом какого-то конченного мудака, что вдруг о ней вспомнил, а не двадцать пять лет растил, как приёмный, то к её мужу Боря претензий не имел.

Пришлось отвечать на звонок.

– Да, Лёх?

– Боря, здорова. Куда пропал?

– Да так... суета, – чисто физически не мог перечислить всё, что с ним произошло за последнее время Борис Глобальный. – А что?

– Борь... – даже набрал побольше воздуха в грудь Лёха. – Мы это... Пашку крестить хотим.

– О как, – принял к сведению эту информацию Глобальный.

– Да и вот в чём дело, – продолжил на одном дыхании муж Дуни. – Хотим, чтобы ты был крёстным отцом... Ты согласен?

Боря аж растерялся. Ну хотя бы потому, что сам не крещённый. И в семье никто не крещённый. Куличи едят, конечно, и на улице пароль отзывает на «Христос воскрес» знают, но ничего сверх того.

– А ты сам-то крещённый? – только и спросил Боря.

– Я? Нет. Я в это всё не верю, – ответил программист и признался. – Мы же больше за Матричного бога топим. Весь мир – матрица и иллюзия. Ну, проекция, то есть. Луна вон – вообще голограмма. То есть, то нет... да шучу!

«Мракобесия и юмор – моё любимое блюдо», – хмыкнул внутренний голос.

– И я не крещённый. И мать. И Дуня, – перечислил потенциальный крёстный отец.

«Хотя сестра до замужества вроде бы спала с одним христианином. Тот богом клялся, что женится, но вроде бы православие половым путём передаётся. Это же не триппер. Это болезни от удовольствия бывают, а к вере прийти надо!» – возмутился следом внутренний голос.

– Так, если у нас все в семье не крещённые, то почему оба не крещённых родителя вдруг решили покрестить ребёнка? – спросил Глобальный исходя из соображений логики.

– Резон в твоих словах есть, но он что-то кашляет. И Дуня решила, что лишняя защита не помещает. Так что надо заняться этим вопросом, Боря, – ответил Лёха, сам не зная чёткого ответа на вопрос «зачем?». Но на всякий случай снова спросил. – Так ты как? Будешь крёстным или нет? Насчёт крёстной мы ещё думаем.

– Для Пашки я кем угодно буду. И всё, что угодно сделаю, – ответил Боря, но всё же уточнил. – Но ты же понимаешь, что я в этом ничего не понимаю? Я же даже в церкви никогда не был.

– И я, Боря. И я, – даже посочувствовал Лёха и тут на фоне послышался детский плач. – Ладно, братан. Ты тогда узнай там всё. Что да как. А нам потом расскажешь.

– Где узнай? У кого узнай? – слегка опешил сантехник. – Ты, может, через поиск вобьёшь?

– Ты же на машине, – ответил программист. – Заедь в любой храм. Узнай офлайн, так сказать. Помоги разобраться, в общем.

– Так у вас храм на соседней улице!

– Я в магазин, Борь. За памперсами, – тут же пошли отмазки. – Потом ещё в поликлинику надо. Дуня говорит, пятна у него какие-то за ушком. Посмотреть надо, что такое. Короче, в моём мозгу слишком много открытых вкладок, всё не успеваю. Выручи.

– Ладно... заеду, – сдался сантехник, и отключил связь, пока программист ещё какие-нибудь себе задания на день не придумал.

А заехать можно. Всё равно хотел крановщику за шоколадками остановиться.

– Храмов теперь вокруг столько, словно с магазинами за посетителей соревнуются, – пробурчал разбуженный разговором Стасян. – Как говорится, не хлебом единым сыт человек.

– Сыт! – поправил Боря.

– Точно, надо отлить, – тут же донеслось с заднего сиденья от Шаца. – Борь, раз такое дело, давай уже где-нибудь остановимся. Я если трезвым к храму подойду, меня молнией перебьёт.

– А бухим типа – можно? – уточнил сантехник.

– Конечно! Пьяных Бог бережёт, – донеслось от Шаца следом и Лопырёв тут же уточнил.

– На мирной территории. А на «передке» Бога нет, Боря. Одни иконки. Как у пьяного таксиста на лысой резине, что выехал с верой в лучшее.

– У нас в отделении мусульманин был. Ну как мусульманин? С Казани. «Муха», – тут же включился в разговор Стасян, вновь приход памяти словив. – Пять раз в день молился. Ну а чего? Зато для спины полезно. Прогобы. Ты видел хоть одного мусульманина, который до пола лбом коснуться не может от лишнего веса? А всё потому, что в тонусе себя держат и растяжку любят. У нас, говорят, раньше тоже поклоны бить любили, но потом как-то сошло на нет. Так вот, по Мухе часы можно было сверять. Молился себе, никому не мешал. А у нас же как? Да хоть по сто раз на дню молись. Никто ему слова не сказал против. Тут же поводы одни: патроны не подвели – молись. Жрать нечего – молись. Распутица – молись, дождь – молись, снег – молись, полёвки в спальном мешке с тобой ночуют – вроде какое-никакое домашнее животное завелось, приятно, а всё равно молись, чтобы заразу не словить и чумку какую.

– А кошку завести? – уточнил Боря.

– Кошки в окопах и при блиндажах долго не живут, – прояснил Стасян. – Глохнут от разрывов. Потом ни на что не реагируют, охотиться перестают. Собаки тоже сначала подвывают, а потом уже перестают обращать внимание. Только человек один, пакость такая, считай и может приспособиться под обстрелами жить или по подвалам выживать. Ко всему привыкает и с богом у него свой диалог в таком случае начинается, личный, лучше не лезть. Ну а когда стреляют, Боря – молись вдвойне. Прилёт – тройне. На любом языке молись, любим богам. Только бы о смерти не думать.

– Стасян, – буркнул Шац. – Что-то ты распизделся. Давай к сути.

– Короче, только когда артобстрел был, и капитан всех в блиндажи загонял, молитвы свои Муха пропускал, – продолжил крановщик. – Так и говорил нам: «молитва – диалог с богом, а прилёт – прямая к нему дорога. А я на тот свет не тороплюсь. И вообще, на войне пропускать молитвы можно. Тут каждый день с молитвы начинается и ей заканчивается». Так что не прав ты, Шац. Бог есть везде. А на фронте его вообще до ебени матери! И у каждого свой, считай, персональный.

– Так, в моей машине не выражаться, – тут же прервал Боря, уже пытаясь на себя примерить роль добропорядочного христианина.

Раз мелкому надо, то придётся проникнуться. А значит, пора начинать думать о добродетелях, как и привык при взаимодействии с кармой. Это при том, что когда увидит чёрную кошку, то через правое плечо поплевать надо. Или бабку какую с пустыми ведрами припугнуть на трассе. А то ходят там всякие!

Суеверий, как и веры, много не бывает. Лишь бы человек не сучал, пока жить не только для себя, но и для других научится.

Глава 6 – У Коляна

Боря всё пытался начать диалог с Шацем в дороге. Надо рассказать насчёт потраченных с продажи Ламборджини Урус миллионов. Объяснить куда вложил, зачем и через сколько будет прибыль с процентами?

«Отчёт нужен, а то вдруг думает, что дома лежат миллионы», – прикинул внутренний голос.

Но постоянно что-то мешало поговорить. То Стасян начинал рассуждать так, что не остановишь, очевидно родные сибирские просторы почуяв. То отлить останавливались на обочину и на белочку смотрели.

– Сибирская красота! – первым заметил пушистого лесного жителя Шац.

– Ну чисто – дискавери! – добавил Стасян.

И судя по таким словам, Боря быстро пришёл к выводу, что учить жизни с нуля крановщика не нужно.

«Никаких «коровка говорит му-у-у» не надо. Базовые знания о мире у него сохранились, но лучше дома поговорить, в коттедже», – посоветовал внутренний голос: «Сейчас люди устали с дороги. Голодные ещё. Инвестиций твоих не оценить, а как потом с переломами работать? К тому же ложку удобнее самому держать, чем питаться через трубочку. Ну и оторванные яйца только в кулке хранить можно. Медицина всё никак не решается их пришивать. Как не посмотри, а лучше обождать, Борь».

Шац вдруг повернулся к сантехнику и сказал:

– Ты даже не представляешь какое это удовольствие просто поссать, когда в тебя ничто не летит и никто не пытается тебя убить. А ты чего такой смурной?

– Да вот, думаю.

– О чём? – скривил бровь собеседник.

– О... слушай, а в Вагнере Устав или клятвы? – вырулил в разговоре Боря.

– В Вагнере заповеди, – ухмыльнулся Шац. – И их тоже десять.

– Это какие же?

– Первая простая, как тапочек. Защищай интересы Русских всегда и везде. И мы это слово с большой буквы пишем, не считая прилагательным.

– Ясно, а другие? – спросил Боря, пока все возвращались в салон.

– Честь Русского солдата – превыше всего. Вот тебе вторая заповедь.

Боря пристегнулся.

– Воюй не за деньги, а из принципа! А принцип один – победа! Вот третья. И создана она для приближения полной Победы.

Водитель снова завёл двигатель, внимательно слушая.

– Не сдавайся врагам живым. А если попал в плен – погибни, но унеси с собой как можно больше врагов. Вот четвёртая заповедь для Общей пользы.

Глобальный включил поворотник, ожидая возможность вернуться на трассу.

– Чти своих погибших товарищей, не позорь их Светлой Памяти, рано или поздно ты с ними встретишься. Вот пятая.

Автомобиль вырулил на трассу.

– Нам уготована смерть в бою, а не немощными стариками на кровати. Вот шестая.

Боря прибавил скорости.

– Будь скромным и не кичись своим ремеслом, храни эту тайну. Вот седьмая.

Руки обхватили крепче руль.

– Восьмую хочешь? Никогда не мародёрствуй!

Стасян тут же переспросил:

– А лут?

– Лут – это трофеи, снятые с павшего врага, – спокойно добавил Шац. – А мародёрство – это лазить по домам и брать то, что тебе не принадлежит по праву. Воину по праву принадлежит оружие, боеприпасы, снаряга. Если тебе нужен прицел ночного видения, нож, да хоть фляга – бери. Мёртвому это уже ни к чему. А живого разоружи, но не раздевай.

Глобальный кивнул. За каждой заповедью своя подоплёка.

– На войне и в командировке – сухой закон, – продолжил Шац. – Это девятая. Стакан накатила – уже не тот боец, которым мог быть. Спирт – медицине. Брага – скотине. Иной раз такое пошло подсунут, что в лучшем случае ослепнешь. Сколько там братишек поутру не проснулось. Бадягу подсунули, они и хлебнули на радостях.

И он замолчал.

– А десятая? – осторожно спросил Боря.

– Храни свой жетон... Надеюсь, тут объяснять не надо.

Аппетит разыгрался. Все разговоры дальше пошли о пицце, гамбургерах, хот-догах или хотя бы о чае с вареньем, «лишь бы не хуе с печеньем», как метко добавил Стасян.

Впереди по трассе сбоку мелькнуло кафе «У Коляна...». Боря включил поворотник, после чего свернул и остановился на свободном пяточке. Автомобилей не было вообще, не смотря на десятки подъездных мест. Подъехали к самому выходу. А глядя на вывеску у двери, все трое синхронно заржали в голос. Кто-то дописал названию кафе несмываемым фломастером «...20 см».

– Не, ну походу сам хозяин заведения и написал, – заявил Стасян. – Реклама, как-никак. Сам не похвалишь, никто не похвалит. А на ловца и зверь бежит.

– А ещё хозяин мог ловко намекнуть, что не только покормят, но ещё выебут и высушат всех желающих, – добавил Шац, зевнув и потянувшись. – Ладно, борщ сам себя не закажет. Борь, ты что будешь? Ролы или карпачо?

– А ты уверен, что тут стоит хотя бы чебуреки есть? – прищурился сантехник. – Нет же никого. А трасса ходовая. А это что-то, да значит.

– Так натянули походу всех постоянных посетителей, а новых не набрали, – хохотнул Шац похлопал по плечу крановщика. – Но с нами Стасян. Нам опасаться нечего... Да, Стасян?

– А можно просто покушать, без этих... телодвижений? – почти моляще произнёс Стасян, ловко закамуфлировав слово «похоть».

Мужики переглянулись. Все уже в сомнениях. Кафе неказистое, и судя по старой двери, скорее предложит беляши и компот, чем меню кухонь мира.

Но вспомнив про ролы, Боря невольно улыбнулся. В памяти вдруг всплыло, как с Диной не так давно столкнулись и что из этого вышло.

Но едва сантехник хотел рассказать случай, как Шац уже в бок толкает:

– Ну ты чего? Идёшь?

– Ага.

Вошли в помещение, а там стиль оформлен как «оторви и выбрось». Старые обои на стенах, плакат времён «девяностых» с девчачьей попсовой группой, грязные столы со скамейками в ряд, какие-то тёмные плафоны на потолке и официантка полы моет в наклоне.

«Хуже всего, что она же, судя по одеянию – повар», – отметил внутренний голос.

Стасян как зашёл первым, так и замер. Перед ним необъятная со всех сторон женщина с лицом круглым как луна, карими глазами и настолько пропитана кровью степнячкой, что дань захотелось рефлекторно отдать. Возможно, по причине полного отсутствия женского внимания в последние месяцы.

– Это как в анекдоте, – тут же вспомнил Шац, глядя на такую картину: «Доктор, каждое утро, когда я встаю и смотрю в зеркало, меня тошнит. Что со мной не так?.. Я не знаю, пациент. Но у вас прекрасное зрение».

Но на этот раз Боря его не поддержал. Он смотрел, как крановщик плотоядно на объёмный зад в наклоне пялился, явно изголодавшись по женщинам.

«Не нужны ему никакие Глори и Холли. Давайте то, что поближе», – отметил внутренний голос.

Оценив экстерьер следом за интерьером, сам сантехник попытался вспомнить если ли в автомобильной аптечке хотя бы активированный уголь? На всякий пожарный случай.

– Так, ну тут всего два выбора, – сказал Шац, лишь мазнув взглядом по елозящей задней филейной части иностранной сотрудницы отечественного общепита, пока Стасян пялился в упор. – Он либо женится к обеду, либо накормит. И в скорой его откачают.

Крановщик уже не слышал. Флюиды тянули его на приключения. Глупо улыбаясь, он подошёл к уборщице знакомиться первым и заявил в прямо лоб:

– Дама приятной окружности, сразу скажу, голоден.

– О, так это вам покушать надо, – ответила она, чуть повернувшись и опуская тряпку в ведро. После чего зашла за прилавок, за которым украдкой вытерла руки о фартук. – Видала я таких. Хоть бы раз сытым кто зашёл.

Они улыбнулись друг другу, заискрились искорки, а судя по довольному лицу Стасяна, что-то даже коротнуло.

Глядя на это дело с большим сомнением, Шац, однако, продолжил в весёлом тоне из-за широкой спины крановщика:

– Не чревоугодия ради, но по нужде пришли мы. Есть хотим. Так накормите от пуза! У вас же тут есть, где руки помыть?

– Есть – есть, мыть – нет. Кран не работает, – ответила с лёгким акцентом повар степей в заляпанном переднике и следом напялила на голову белый поварской колпак шефа, что тут же сполз на бок. Так как был не по размеру.

Стасян не знал к кому обратиться с таким вопросом. В его памяти сантехники не сохранились. Сам же Боря только покачал головой, едва подойдя к крану у нарочь ржавой раковины и заявил честно:

– Я есть не буду. Только кофе... в банке!

Шац кивнул, приблизился к сантехнику:

– Боря, ты что сам с собой разговариваешь? Я же не слышу толком этим ухом. Заходи с другой стороны и бормочи! Врачи говорят, мне на полное восстановление ещё квартал нужен.

И он вздохнул тяжело, словно что-то припомнил. Да рассказать не решился. Некоторые эпизоды войны должны оставаться только в одной голове.

– Конечно, разговариваю, – кивнул сантехник. – Иногда мне нужен совет специалиста. И он говорит, что риск не стоит свеч.

Проблема была даже не в раковине или том, что когда-то металлический кран был сплошь белый, в мыле и жире, а в том, что ручка у него была блестящая. Отполированная, как новая. Это означало, что ручки касались, а кран не мыли.

«Плюс-минус – никогда», – добавил внутренний голос.

– Ой, видали мы таких специалистов, – донеслось от моно-работника общепита, пока та доставала из вендингового автомата кофе и разогревала банку в микроволновке. – Ничего, дальнобойщики захотят умыться, сделают. А вообще с грязными руками вкус насыщеннее.

Боря спорить не стал. Сделают, так сделают. Вон и его отец теперь дальнобойщик. Тоже, считай, специалист по всем направлениям. И кран поменяет, и электрику, и жизнь, если на то пошло. Если дом не сгорит и не затопит, конечно. С Петра Ивановича Глобального станется.

«Правда, в электрику больше обещал не лезть с тех пор, как на столбе с секс-куклами в едином экстазе слился. Там же групповуха целая получилась», – напомнил внутренний голос.

– Мужики, слышали байку? – сказал в то же время Стасян, который руки «помыл», просто о штаны вытерев. Так, мол, даже здоровее будет. – Директор кока-колы громко шипит, когда резко поворачивает голову влево.

– А директор пепси тогда что? – хмыкнул Шац, безумно довольный от того, что крановщик начал поддерживать диалог и даже сам его начинать.

Уже совсем не тот зомби, что валялся с ним в одном отделении. А весь его источник шуток в телефоне, который, наконец, как следует связь начал ловить. Только не помнит кому звонить крановщик, а сам трубки не берёт, даже когда надписи видит.

Ничего не дают ему «мама», «Батя», «Пёс», «Могила». А про других и говорить нечего. Братья в больнице навестили по очереди, когда телефон вручили и сумку с вещами, но он не отреагировал. Не дали ничего и видео-звонки от родителей.

– Директора пепси, походу, распирает от мятных конфеток, – поддержал в то же время Боря, поддавшись общему настроению и все трое снова заржали.

Есть какой-то вызов в том, чтобы есть там, где судя по виду – не стоит. Но если никто из троих не ушёл, поглядывая на других, то вызов – принят. А по настроению что было, то было, а сейчас настроение – ввысь.

И всей троицей постепенно овладевало такое состояние, что хоть палец покажи – смешно. А некоторые даже половецких княжон не прочь оседлать с ходу, что седло снять забыли. И как по мнению Шаца, лучше так, чем никак.

«Человек должен к чему-то стремиться», – прикидывал про себя Лопырёв, больше ценя улыбки и розовые щёки, чем бледные, мертвенные лица.

– Что желаете? Щи, кашу, котлеты? – наконец, спросила луноликая, подойдя с разогретой алюминиевой банкой кофе и поставив её на стол перед сантехником.

– Ролы! – обронил и совсем укатился под стол Шац, где Стасян в это время гладил котика, который позволял человеку дать ему немного ласки.

Ведь как известно, это у собак есть хозяева, а у кошек – обслуживающий персонал. И как по мнению Шаца, лучше бы крановщик продолжал гладить котика, чем даму с кольцом на обручальном пальце. Мало ли?

Прикидывая насчёт ролов из плова, Боря задрал голову к потолку, чтобы не рассмеяться в голос. Когда всем смешно, то и ему смешно. Это заразно, как у людей на концертах популярных комиков, над шутками которыми в одиночестве смеяться ни за что на трезвую голову не станет. А в коллективе – пожалуйста.

Но тут сантехник увидел рядом с заросшими паутиной плафонами какие-то козюли на потолке. И на этот раз уж не мог не поведать мужикам свою историю. Воспоминания захлестили мозг, навеяло.

– Мужики, не к столу будет сказано, но аппетита всё равно ни у кого уже нет, – начал Боря. – Рекомендую ограничиться кофе и потерпеть до дома. А чтобы точно желание есть пропало, расскажу одну историю.

И рассказал, как было, чтобы у других не было.

– Дело было так...

Глава 7 – Дина захотела

Около недели назад.

Шумно было в коридоре здания общественного назначения.

– Боря, ты меня достал! – откровенно кричала Диана сантехнику в трубку, пока тот сидел по узким коридорам в приёмных комиссиях и бегал по важным кабинетам градостроительства. – Я нам бабла заработала с этого хоррор-порно-фильма «приключения юной пилотки в старом бункере»!

– Да кто ж спорит?

– Это на него ты, считай, ремонт в бомбоубежище теперь и делаешь! – продолжила накалять чернявая чертовка. – А ты чего? Второго «сантехника» со мной снять не можешь? «Стерва и сантехник» сейчас в топе! Да это же золотая жила с твоими причиндалами и выдержкой. И моей... моей... – тут девушка запнулась, припоминая слово.

– Пилоткой? – предположил Боря, поглядывая на людей вокруг.

Кто отворачивался, кто прислушивался, кто откровенно скалился или тихо хихикал. А кто делал вид, что не слышит. Но в очереди люди ведут себя индивидуально только первый час, а затем сама очередь становится живым организмом и бурно реагирует на всё, что происходит вокруг.

– Харизмой! – поправила она следом.

– Дина, да не то, чтобы не хочу. Скорее – некогда, – ответил Глобальный, который в последние недели действительно не знал, где взять денег, чтобы сразу на все проекты хватило.

И дома надо скупить для элиты. И квартиры убогие, чтобы ремонты в них делать, «конфетку» организовав. Перепродать впоследствии, тогда и сами по себе подорожают, даже если вообще ничего не делать. А с ремонтом и подавно. И разрешения получать на строительство дома надо. И лицензии до ума доводить, чтобы ресторан открыть. Всё надо.

И всё – ему. А причина поспешности в том, что у пары девушек живот растёт. И всё – его проделки.

– Боря, всё равно за тобой должок, – стояла на своём девушка. – Я тебе с этой «дымной темой» подыграла.

– Ты хотела сказать «мутной»?

– Дымной! – поправила девушка. – У меня потом одежда ещё неделю дымом пахла! Так что имей совесть. У тебя обязательства.

Боря хмыкнул. Она вроде и не его девушка, а свободный человек. Как и он пока свободен от уз брака. Но всё-таки спят вместе.

Только не ради утех, а исключительно на съёмках её авторских фильмов для взрослых. А те как назло постоянно что-то покоряют на просторах спецсайтов в интернете. И премии «хрен года» и «золотой проглот квартала» как минимум заслужили, не говоря уже о призе зрительских симпатий в номинации «как это туда влезло?»

– Ладно, что я могу для тебя сделать? – ответил сантехник, едва припомнил эти моменты. – Только, недолго.

– Почему так?

– Нет у меня полного дня, чтобы фильм твой снимать! – возмутился Боря. – Там неделю нужна. Я уже не с армии, всё-таки, что всё с первого дубля делать.

– А десантник твой с Москвы почему не приехал? – тут же припомнила Диана. – Как там его? Богатырёв? Это от словосочетания «бога тырить»? Почему постоянно надо что-то тырить? Даже бога?

– Я ему писал, предложил, объяснил, – перечислил Боря. – Обещал подумать. Но походу восстанавливается человек. Не до этого ему сейчас.

– А может это означает «нести бога»? – всё ещё рассуждала Дина. – Почему мы никогда не можем сказать напрямую? Вечно эти иносказания!

– Уймись. На мне сконцентрируйся, – вернул с небес на землю Глобальный. – Итак? Будь реалисткой! Что я могу для тебя сделать, только... сразу!

– А недолго, это сколько? – уточнила тут же чернявая пиявка с пирсингом.

Боря порой предполагал, что тот у неё для того, чтобы заземление хоть иногда срабатывало от всего её коварства и тёмных замыслов.

– Ну, скажем... вечер? – предположил сантехник и тут же добавил. – Не полный.

– Тогда хочу ужин в ресторане! – тут же сориентировалась Диана. – И БДСМ с полной сессией.

Боря тут же покачал головой:

– Мне свой ресторан до ума надо довести, не до беготни по конкурентам. Давай дома что-нибудь закажем... Из ресторана!

– Суши! – тут же потребовала Дина. – Которые ролы. В чём вообще разница? Один же хрен всё с рисом и вкусно.

– Это без проблем, закажем, – ответил Боря и поглядывая на людей вокруг, тише добавил в трубку. – А что там с той аббревиатурой делать? Я понимаю её суть, но в детали не вдавался. Давай её как-то сократим, а? Не полная сессия, что б прям, а... кусочек.

– Половинку!

– Треть... Идёт?

– БДСМ сократить, говоришь? – переспросила Дина в задумчивости. – Тогда хочу хоты бы бандаж!

– Хорошо, я тогда подготовлюсь, – согласился сантехник, о бандаже в магазине для взрослых от Яны слыша не раз и не два, а по десятку раз за неделю. Но цимус всегда в деталях. А в них не вдавался.

– Замётано! – обрадовалась Дина и не доставала его ровно сутки.

Боря начал читать прямо в очереди, чтобы как следует подготовиться. Продолжил за ноутбуком в автомобиле.

Как оказалось, не всё так плохо. Бандаж – это всего лишь искусство связывания. Хобби для тех, кому заняться нечем было, проживая в тесном пространстве островов в домах из бамбука и риса.

«Вот европейцы и переняли хобби, чтобы в мрачным готических, но просторных замках на свой лад реализовывать», – тут же добавил внутренний голос: «Европа японцам корабли, автомобили, и свет, а японцы Европе бандаж, бонсай и букакке. Культурный обмен!»

Картинки поисковик выдал такие, что прямо красиво связывают, а не как куль с картошкой. Целые узоры мастера плетут. В основном практикуясь за женском теле. Женщина – это ведь само по себе прекрасно. А вот мужик в лосинах с бритыми ногами и руками выглядит странно и просто подозрительно.

А ещё сантехник прочитал, что связанных часто подвешивают. Мол, только в связанном состоянии можно висеть и расслабиться так, что чисто – полёт, улёт и полное освобождение.

«Борь, ну хули делать? Перфоратор, потолок, крюк, верёвка. Плёвое дело!» – расставил всё по полочкам внутренний голос, пока Глобальный важный момент в бандаже уловил – верёвка должна быть особой, джутовой. Которая немного тянется, играет, а не просто пережимает все сочленения, пока конечность не ампутируют, если сэкономить и в ближайшем магазине простую бельевую взять, чтобы «поиграться в связывания».

Заехав в собственный секс-шоп, Боря сразу три мотка такой особой верёвки выбрал. Чтобы как следует связывать, а потом разрезать, если не получится узлы развязать. Опыта мало, всё-таки. А режиссёр у него под рукой один.

«Ей ещё клипы для группы Город на Неве снимать, пока брата не призвали», – предупредил внутренний голос: «Беречь деваху надо».

Пока хозяин подбирал верёвки, Моня только покосился подозрительно и сказал с сочувствием в голосе:

– А что, простой верёвкой уже нельзя связывать человека?

Боря покачал головой.

– Так может, наручники? – тут же нашёлся Нанай. – Удобно же. Раз к батарее и всё!

– Ты батареи современные видел? – возмутился Моня. – Там не так дёрни раз, само всё отлетит. На соплях всё держится. На века больше не строят. Строят в году рынку.

– Нет, мне не для привязывания с целью пытать человека, – отмахнулся Боря, порой жалея, что оформил ИП для бизнеса и понабрал в сотрудники таких экземпляров. – Мне для того, чтобы долги раздать. А тут джутовая нужна. С другой стороны, подставили его как раз те, от кого меньше всего ожидал. А эти – ни-ни. И пашут каждый день, без выходных.

«Это Егор теперь зону топчет, как медведь пасеку», – напомнил внутренний голос: «А Моня с Нанаем ничего так держатся, где-то даже перевоспитываются. Наверное, дело в стабильной зарплате, вместо периодического вымогательства и редких соцвыплат».

– Хозяин – барин, – добавил Моня, доставая экземпляры из стеклянного прилавка и не удержался от очередного совета. – Шеф, только оглушить предварительно не забудьте. Так надёжнее... долги отдавать.

– Ой, а меня не то, что оглушить, даже не придушивал никто толком. Ну, кроме жизни, – тут же пожаловалась Яна, показавшись в центральном зале из коморки по такому поводу.

«Пришла на пошлые разговоры», – добавил внутренний голос.

– Монь, мимо кассы проведи, – тут же сказала она, обнимая совладельца при встрече и дружески целуя в щёку. – Спишем неликвидом. И в подарочный пакет оформи. Что это за верёвка, в конце концов, когда на ней даже белья не повесить? Да, Боря?

– Да не надо мне подарков, – улыбнулся Глобальный.

Но приятно, что свои люди заботятся. По жизни теперь много подарков. На 23 февраля его, к примеру, носками и трусами так завалили, что едва по багажнику распахал. А пеной и станками для бритья теперь весь кунг на участке захламлён. Запаса на год хватит, даже если каждый день бриться.

– Всё равно я не знаю, какой у них срок годности, – подмигнула хозяйка магазина товаров для взрослых.

Про то, как Яна изменилась за последние полгода можно было говорить долго. Путь её от робкой домохозяйки через разнузданную веб-камщицу к активной управленке был долгим и тернистым.

По факту расцвела Иванова, похорошела, сделала лазерную коррекцию и теперь сдавала на водительские права, чтобы самой водить без очков. Всё лучше, чем дожидаться охранника-водителя из тюрьмы, что даже в тёплом местечке умудрился провороваться. А тёплое оно было потому, что она рядом была.

«Но раз тесную компанию мужиков предпочёл, то дело его», – ещё подумала Яна, что нет-нет, да подумывала сделать Валетову минет или отдаться на пороге квартиры, но не просил. Только мямлил вечно-что-то и лишь однажды отважился массаж ножек сделать.

В то время как Боря просто приходил и брал своё.

– А я всегда говорил, что надо разное пробовать по жизни, – добавил Нанай со стула, отложив планшет, который взял с первой зарплаты, чтобы коротать время, когда в основном зале никого нет из посетителей. – Правильно, Борис Петрович. Развлекайтесь!

– Счастливого вечера, босс, – добавил с улыбкой и довольный Моня, уложив подарочки в праздничный пакет.

Глобальный кивнул. Сотрудники оба уже не как бандиты выглядят. После диалога со спецназом после штурма прилично оделись, попроще стали и с клиентурой отзывчивы, даже галантны. Те резко перестали делиться для них на «лохов» и «конченных» и «шалав». А пометки типа «да у неё ебало за неделю не обсерешь» и «этой я бы вдул» вовсе перестали звучать в магазине.

Боря на миг присмотрелся ко всем сотрудникам. И судя по довольному виду троицы, на всех сантехник повлиял.

«Живут, работают, всё на мази здесь. Утряслось. Порой человеку нужен лишь шанс, чтобы себя проявить», – прикинул внутренний голос: «И если человек – говно, то всё равно себя проявит».

Диана как знала, позвонила ещё на выходе из магазина. И тут же потребовала:

– Так, либо сегодня, либо никогда!

А Боря и спорить не стал:

– Уже еду. Жди. За суши только заеду.

– О, да? Хорошо, жду, – даже настолько растерялась девушка, что забыла добавить, где брать хорошие суши, ролы и прочих японцев, которые бы готовили привезённую со страны Восходящего Солнца продукцию.

Поэтому Боря заехал в первую забегаловку, что выдал поисковик по городу. А там всё по классике: повара, дай бог – якуты, рис выращен в Подмоскowie молдаванами, морепродукты из Белоруссии по спецдоставке, но завернуто и скомпоновано всё – красиво. Маркетинг на высоте.

– Суши? – ещё уточнил Глобальный на всякий случай, не очень ярким краскам вывески доверяя.

– Суши, – то ли ответили, то ли повторили они.

– Ролы? – уточнил сантехник.

– Роли, – добавили тут же сотрудники общепита и на всякий случай показали большой палец. – Заябись! Вкусна!

«Ну, хоть не средний», – прикинул внутренний голос.

И Боря, взяв коробку, поехал домой к Диане.

Никаких гостиниц или тревог о месте. Живёт чернявая одна. Пусть в небольшой квартире, но всё же своей. Никаких родителей или родственников в хрущёвке, а реновации ещё лет двадцать не добратся.

«Всё-таки подающий надежды режиссёр должен творить в одиночестве, в свободное от офиса в бункере время», – напомнил внутренний голос, напомнив взять перфоратор из багажника.

На пороге квартиры сантехника первым делом встретил белый как вата кот. И давай о ноги тереться. Боря разулся сразу, чтобы не испачкать это пушистое, мягкое облачко. Приятный на вид. И морда толстая, довольная, словно на умном пылесосе накатался.

– Походу, запах рыбы почуял, – улыбнулся Глобальный, коробку с суши на весу удерживая, а перфоратор подальше отодвигая.

Затем сантехник начал присматриваться к потолку в коридоре и в зал поглядывать. В коридоре подвесить крюк не выйдет. Потолки навесные. А в зале натяжные. Разве что в спальне получится.

Место нужно покрепче, чтобы крюк засадить прямо в стену. Такой, чтобы среднюю женщину удерживал на весе, а то и с мужчиной, если обоим покачаться приспичит. А для этого потолок открыт должен быть. Разве что лишь побелён или с какой балкой перекрытия тор-

чащей, но это лишь в собственных домах возможно. Как правило, в стандартных квартирах ничего подобного не торчит. А в дизайнерские его не часто пускают.

Тут Дина в коридор к нему в эротическом белье вышла, мысли на раз расфокусировав. Наряд можно было смело назвать «кровь из носу». Давление, глядя на такой откровенный наряд, подскакивало моментально. У правильных мужиков

«А неправильные могут идти лесом... пока не потеряются», – отметил этот момент внутренний голос.

Дина поцеловала в щёку, подхватила коробку с набором суши и пакет с подарочными верёвками.

– Я пойду руки помою, – освободился Боря от всего груза доставки и минут на пять исчез в ванной комнате, а когда вернулся на кухню, Диана уже расправилась с половиной набора с голодухи. А теперь, окунув в соус ролл Калифорния, решила провести тестирование. – А ты знаешь, что вообще такое бандаж?

– Связывание, – ответил сантехник коротко и важно поднял палец. – Но... красивое, а не похищение и пытки. Я подготовился, не переживай.

– Ага, – уже жевала тот ролл Дина, явно не рассчитывая на такой быстрый ответ. А как прожевала, добавила. – Бандаж, Боренька, это одно. А я хотела конкретно шибари. Просто ты слишком быстро спросил, что я хочу. Я и растерялась. Женщине всегда подумать надо, дойти. Так вот... ты шибари умеешь делать?

– Так мне один хрен, – ответил сантехник, что уже достал перфоратор и присматривался к потолку. – Но скажи честно. Тебя просто связать или с подвешиванием? А то давай крюк замаздрячу. В худшем случае качели себе потом сделаешь, когда желание отойдёт.

– Эротические качели?! – тут же загорелись глаза Дина, но вспомнив о том, что после долбежки в стену будет пыль и все это надо будет убирать в красивом нижнем белье, поморщилась. Соседи ведь наверняка начнут в стену стучать ещё. – Слушай, крюк оставь. Но давай с ним потом как-нибудь. Сейчас просто свяжи. Только так, чтобы я стала как... – тут она в телефон обратилась за словом. А слово то – «жужун».

«Чего, бля?» – отразили глаза Бори.

Но сам сантехник был воспитаннее и смолчал. Захотят – объяснят.

– «Жужун – это тот, кто подчиняется связыванию», – продолжила читать Дина, тут же положила телефон и добавила уже своими словами. – Короче, хочу испытать, как во мне пробудится сладострастие, пока связывать меня будешь, а я буду такая беспомощная-беспомощная. И доступная-доступная, если правильно свяжешь. А там хоть подвешивай, хоть имей, лишь бы я уже ничего не могла поделать. Так что ещё и кляп мне в рот засунем... Так, где же он у меня там?

Она убежала в спальню, оттуда донеслось:

– Ой, а над кроватью можешь крюк повесить?

– Да запросто.

– Тогда потом повесишь. А сейчас... – она передёрнула плечами в нетерпении. – Связывай меня уже скорей, я уже вся горю!

И Дина в нетерпении уселась на край кровати, вертя в руках связки верёвок.

– О, красненькая. И синенькая. И жёлтая есть. Красиво. С какой начнёшь? – спросила потенциальная жужун. – Только, чур, я как кляп одену, ты вообще меня не слушай. Мучу, кричу, без разницы. Игнорируй.

– Почему?

– Это элемент освобождения. Мало ли мне там в начале будет неудобно. Не верь. Каиф всё равно меня нагонит. Разве что попозже.

Боре было всё равно с чего начинать, но красная джутовая верёвка подходила под цвет нижнего белья.

– Давай с красной начнём, – предложил сантехник.

Всё же он боялся повредить набор, если резать придётся. И чтобы не расстраивать даму, предложил сразу:

– Только давай ты вся разденешься. У меня просто пока мало опыта, а перевязывать долго. Давай начнём с чего-то простого.

Дина как раз уже засунула себе шарик кляп в рот, застегнула на затылке застёжку, потому лишь покорно кивнула и подозрительно-быстро разделась. Её молочная кожа в эротической подсветке спальни делали из неё Афродиту. Вроде, как только что вышла из моря. Ещё и блестит немного. А бра на стене подчеркивает все прелести тонкокостного тела.

Портить такую кожу Глобальный бы не посмел. И решительно переборов начавшееся возбуждение, начал с самых простых переплетений, от которых получались клеточки и в первую очередь были связаны ноги.

– Ммм, – промычала Дина, видимо, довольная результатом.

Вспомнив о просьбе не обращать на неё внимания, Боря следом создал лёгкое подобие «чешуи» на животе и спине, и перешёл к рукам. Тут-то и оказалось, что верёвка коротковата. И чтобы хватило хотя бы на простое связывание рук, пришлось согнуть девушку в коленках, а руки завести за спину.

Дина быстро стала в позу «лани, пьющей воду на водопое», как сказали бы на востоке. А если по-русски, то жопа кверху, голова уткнулась в покрывало, ещё и руки за спину завели, ну чисто – крылья.

– Ммм, – снова сказала что-то в кляп-шарик Дина, но Боря её не слушал.

Девушке до первого кайфа освобождения ещё шагать и шагать.

Но пока дама стояла в позе «пустая ваза ждёт цветочка», анус можно было рассмотреть во всех подробностях. И глядя на него, в Глобальном зашевелился художник. Решительно взяв синюю верёвку, сантехник начал оплетать модели руки уже как следует. Чтобы превратились в плетёные крылья.

А глядя на них, философский вопрос «почему люди не летают?» перед сантехником уже не стоял. Но стояла задача создать все условия для полёта.

Летают! Ещё как летают. Просто свяжи и подвешивай под потолок, оставив петельку для закрепления. У него вон и девушка килограмм сорок всего. Ну максимум пятьдесят, если со всей вредностью брать. Ещё и ростика небольшого, чтобы больше внутри помещалось.

И только размечтавшись, как высверлит дырку к потолку под крюк и подвесит своего коротко-стриженного ангела на третью верёвку, Боря вдруг расслышал бульканье в животе Дины. А она уже не мычала, а кричала в кляп и дальше куда-то в недра кровати ртом вибрировала в негодовании.

Испугавшись, что человек задыхается, Боря кляп расстегнул. А лучше бы не расстёгивал.

– Пиздец! Ты что принёс? – тут же возмутилась девушка с пирсингом на лице.

– Что принёс? – не понял Боря и на верёвки ещё раз посмотрел. Неужели, брак?

«Они что, действительно имеют срок годности»? – ещё засомневался внутренний голос: «Неужели Яна не шутила»?

– Что за ролы?! – уточнила этот момент Диана. – Живот крутит! Боря, развязывая меня быстрее!

– В смысле быстрее? – посмотрел с сомнением на верёвки сантехник. – Я это вязал полчаса. Что случилось-то?

– Обосрись сейчас нахуй! – оборвала все попытки к компромиссу чернявая девушка, то ли выдав стоп-слово, то ли сразу подготавливая проклятье. Благо, как новички, не обсудили ни то, ни другое.

«Но Боря, помни о просьбе!» – тут же включился внутренний голос.

Сантехник задумался на мгновение. Может, врёт, чтобы быстрее до своего кайфа дойти? Но живот её вдруг выдал такой звук, словно барабан наполнялся дождем.

Боря и рад бы развязать быстро или хотя бы распрямить деву, но уже создал перемычку между руками и ногами. Ещё и колени обвязал, чтобы тело держали через спину. Сразу не разогнуть, не распрямить, и точно – не освободить.

Напряжение повисло в квартире. Рычал угрожающе живот, верещала дева, но Боря вдруг вспомнил, что он мужчина. Без ножа правда верёвки не порезать, но сила при нём!

Подхватил Глобальный деву на плечо, чисто базуку. И побежал до туалета, чтобы всё закончилось хорошо и быстро. К несчастью для хозяйки, тут о ней вспомнил кот.

Доев рыбу с оставленных на столе ролов на столе, «белое облачко» решило, что его бегут наказывать, топая как стадо слонов. С перепугу кот выскочил в коридор, и тут же решил доказать хозяйке, что теперь может отработать и за сторожевую собаку, поэтому первым делом помчался кусать незнакомца.

Но на него среди сумрачного света спальни вдруг помчалось многорукое и многоногое чудище неопределённой формы вместо незнакомца. Решив, что настал судный день, кот не стал поворачивать назад и рванул в спальню на прорыв, шмыгнув под ноги сантехника именно в тот момент, когда тот мчался по коридору с опасным грузом.

От рывка Боря едва удержал на плече Дину. Но вот она сдержаться не смогла. Выдав оглушительный залп в потолок, она мгновенно перекрасила его с «бежевый лайм» в тон «хляби болотные».

Боря от резкого звука бросать даму в беде не стал, но проскользил на коврике у двери и перехватив драгоценную ношу покрепче, на всякий случай опустил «дуло» ниже.

Он же разумный спецназовец!

Однако, следующий залп с «ручного переносного гранатомёта имени Дины» достался уже коту. И пушистое облачко мгновенно стало грозовым.

Решив, что это кара небесная от людей на его голову, кот мгновенно скрылся в недрах спальни. А Дина как начала делать «ремонт по квартире», так и не смогла остановится: доставалось обоям, потолку, полам, мебели.

– А-а-а! – кричала она, не в силах сдерживаться. – Разве так бывает?!

– Да сколько в тебе зарядов? – только однажды спросил Боря.

Когда сантехник, наконец, открыл дверь, включил свет и определил её на белый трон, всё уже закончилось.

– Я всё, – эпично закончила чернявая, уже не в силах ни напрягаться, ни расслабиться. – Долбанные ролы.

С руками за спиной, да поджатыми в коленях ногами, любительница шибари вдруг поняла, что с суши покончено, а на БДСМ она в ближайший квартал вообще смотреть не будет. Но балансируя на гранях унитаза, даже сантехника за ножом не отправить. Должен придерживать.

Само собой, наступило время откровений.

– Ролы как ролы, – пробурчал сантехник, развязывая узел за узлом, пока остывало разряженное оружие. – Я так ни одного и не попробовал... жадина.

– Походу, рис не доварился.

Глядя на то, как продолжает оставаться рядом, даже будучи обосранный с ног до головы, этот мужик, гнева Дина не испытывала. Не то, что охранники, что сливаются при любом удобном поводе вроде потери работы, тюремного срока или наличия жены. Сразу и не понять, что хуже.

– Мя-я-яу. Мя-у-у. Мя-я-яу-у-у! – пытался быстро освоить человеческую речь кот, чтобы донести до людей всю гамму своих ощущений. И вроде бы даже матерился.

Но Боря молчал, только морщился. Пока не спросил:

– Ну что, кайф тебя нагнал?

Секундная тишина. Затем обоих прорвало. Ржали как кони, неистово, в истерике.

Веселило всё: истошно вопящий из спальни кот, принудительная покраска квартиры и даже трудолюбие своего лучшего актёра.

Он показал, что готов остаться с ней в любой (даже самой дерьмовой) ситуации на практике. И как бы вокруг не воняло и не ужасал новый интерьер, но единственное, что хозяйка могла в этой ситуации делать, это истерично и безостановочно ржать, роняя слёзы и периодически добавляя:

– Да ну нахуй... нахуй... этот шибари!

Коллективно решив, что дама на краю унитаза балансирует без пользы, Боря отнёс её обратно на кровать и так же по-хозяйски развязал, как завязывал. Дина подскочила свободно и тут же замерла, оценивая масштаб катастрофы. А глядя на бегающую по кровати и некогда белым подушкам и покрывалам пушистую пулю, не сдержался и сантехник, выдав эпичное:

– Дерьмо случается.

Ну чисто – терминатор.

– Дерьмо случается, – повторила Дина, желая в этот момент лишь переехать в новую квартиру или упасть в набегающую волну на море, а не это вот всё.

Наклонившись, Боря поднял у кровати в руках красное нижнее бельё, чудом уцелевшее. И сказал:

– Хорошо хоть, набор спасли.

– Да уж.

– Красивый, – решился на комплимент сантехник и почесал кропаль на лбу, что достался от разлёта при бомбометании.

Глядя на эротический костюм «невидимка», Дина вдруг поняла, что дальше ко всему готова. Хрен бы с тем костюмом, ремонтом и котом в придачу.

Боря – вот кто ей нужен!

Да с таким мужиком хоть в огонь на шашлыки, хоть в воду на море, хоть медной трубой по харе тем, для борьбы с которым ещё и патроны подносить надо, вроде. Для него она теперь была готова на всё, лишь бы попросил. А будет тупить, болеть или умирать, сама инициативу перехватит. И в нужный момент в жизнь его войдёт. Когда? Догадается!

Потому вытерев ему лоб своими чистыми трусами из набора, она кивнула и добавила, принимая это безумие как есть:

– Я многое повидала. Но ещё никогда не наблюдала, как использованная туалетная бумага сама бегает по спальне и всё вокруг пачкает! Походу, придётся его не только отмыть, но и побрить. Или... выветрится?

– Не знаю, но вылизываться ему сейчас не стоит, – ответил сантехник, осел у кровати на пол и покатился со смеху, показывая, что нервная система перегружена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.